

Валерий Арефьев

прекрасный

БЕЛЫЙ СНЕГ

Валерий Арефьев

Прекрасный белый снег

«ЭКСМО»

2018

Арефьев В. М.

Прекрасный белый снег / В. М. Арефьев — «Эксмо», 2018

ISBN 978-5-04-169934-5

Бывший боксёр Вениамин знакомится в поезде с танцовщицей по имени Светлана, с которой вскоре у него завязываются романтические отношения. Но счастье длится недолго, и по нелепой случайности Веня теряет возлюбленную. Тем не менее, удивительная судьба дарует ему второй шанс: Света сама находит молодого человека. Проходит время, и чувства героини внезапно остывают: пара жестоко расстается на долгих два года. Жизнь Вениамина меняется кардинально, но в череде событий что-то остается прежним — Света снова находит бывшего возлюбленного. Радость жизни опять обретена! Однако раз за разом фортуна преподносит паре очередные, всё более и более тяжёлые сюрпризы. Комментарий Редакции: Атипичный любовный роман с продуманными героями и пышными эмоциями, которые буквально сочатся из каждой реплики персонажей, тем самым незаметно сближая читателя с Веней и Светланой. Концовка произведения — настоящий фонтан постепенно растущего сюжетного напряжения. Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-04-169934-5

© Арефьев В. М., 2018

© Эксмо, 2018

Содержание

Вместо предисловия	6
Часть первая	8
Глава первая	8
Глава вторая	11
Глава третья	15
Глава четвёртая	19
Глава пятая	29
Глава шестая	33
Глава седьмая	41
Часть вторая	44
Глава восьмая	44
Глава девятая	48
Глава десятая	51
Глава одиннадцатая	55
Глава двенадцатая	58
Глава тринадцатая	63
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Валерий Арефьев

Прекрасный белый снег

© Валерий Арефьев. Редакция 2022 года.

Вместо предисловия

Эпос «Шии»¹

Песнь первая

И когда она кончила песню и сказала слово Ноюдо, стало тихо, и слышен был полёт бабочки. Те же двое оставили сосуд и ушли к подножью гор. Когда дорогу им преградила река Сулейма, один сказал: «Вот мой путь», и ступил, и вода приняла его. Тогда другой, имя которого было Харитон, просил ответа у реки, но не получил его и огорчился. «Я получил воздаяние за прошлое, которого не было», – сказал он. И он молился три дня и воздвигнул плотину, но река вышла из берегов и, подобно морю, залила поля. Тогда он сказал: «Я получил воздаяние за прошлое, которого не было. Справедливо ли это?» Он молился семь недель, и вулкан извергнул огонь, пепел засыпал реку, и стала она подобна горящему жертвеннику у храма Татсу.

Песнь вторая

Никем не замеченный, прошёл он туда, где был сад с зелёными деревьями, где люди были счастливы, и радость была на их лицах. Дети их были здоровы, а жёны так же прекрасны и тучны, как спелая тыква. Тот же, кто охранял их, был о двадцати восьми головах, каждая из которых имела своё имя. А имя той головы, что была обращена к утренней луне, было Нет.

Песнь третья

«Не устыдись вида моего», – сказал он и сбросил одежды. В том было знамение. И тогда она воздела руки, как требовал закон, и начертала знак долга и повиновения, а был то полумесяц в руке и ещё нечто о четырёх граней на конце древка, и они сопрягались.

Песнь четвёртая

Тогда же он увидел двух стоящих на камне. Один был опоясан мечом и в руке, воздетой к небу, держал священный знак Хаямусы. В другой руке у него весы, показывающие равновесие, в знак того, что судит справедливо. К кому же прикоснулся он священным скипетром, тот изливал счастливую слезу, если был он праведником и питался лишь корнями злаков и водой. У иных же, грешных или тех, кто не исполняет утренний помаз, вместо слёз вытекали глаза и падали на землю, и тем было великое прощение, и были они счастливы.

Песнь пятая

И по третьему знаку ангела пелена сошла с его глаз, и вот что увидел он: то было красное поле, на нём же зёрна мускуса лежали, образуя прекрасную фигуру, сходную с тенью нехолощёного змея. Когда же доходила песня до слова Ури, память покидала тех, кто слушал её, и он отпустил им, что обещал, и был это лист.

Песнь шестая

---

¹ В предисловии к роману автор использует так называемый Ирландский «Эпос Шии», но хочет пояснить одну деталь: именно этот текст он так и не нашёл в англоязычных источниках, по мнению некоторых исследователей этот текст является мистификацией режиссёра Аркадия Тигая и неким, таинственным подстрочником звучит в его фильме «Лох – победитель воды», с Сергеем Курёхиным в роли главного героя.

Тогда же он молился ещё полный век, и земля расступилась, и обнажились корни священной сосны. Раскрылись корни так же, как это делает женщина, желая понести, и был там серебряный лук. Трижды тянул он лук, пока не придал ему форму любящего сердца. И тогда пустил стрелу в духа реки, и стало тихо. По истечении же этих семидесяти четырёх лет приснилась ему дева с соколом на плече. Тогда явились семь старцев седовласых, и означали они семь степеней удушья. Сели они в круг и, сказавши: «Радуйся, огонь духа!», съели того сокола и томились от боли. И сказали они Харитону: «Ты можешь победить реку, но ты не можешь вернуть жизнь».

Вы так жизнерадостны и позитивны, так счастливы и беззаботны, а загляните в мою душу, и вы умрёте от моей боли.

И сорок глав, как сорок дней...

Часть первая

Глава первая

Одним прекрасным, а хотя... скорее всё-таки я назову его чудесным, да, действительно, чудесным утром, полагаю, так – по замыслу, вернее впишется в контекст повествования, да и не утром уже кстати, только за полдень, наш незадачливый герой, внезапно вынырнув на белый свет из темноты глухого омута, словно на первый зимний снег, придя в сознание, нашёл себя в железной койке на колёсиках, о коих, впрочем, он узнает лишь позднее чуть. Вполне возможно, вы такие где-то видели, не это важно, на такой, я пояснил бы вам, чтобы без лишней суеты и без свидетелей переместить ещё живого или мёртвого, куда теперь ему положено по статусу. Такие, знаете, катают иногда ещё – между обычными больничными палатами, реанимацией и моргом... Понимаете? Где уже бывших пациентов, только временно, переселяют на другие, тоже милые, вполне удобные постельки, без белья уже, и без подушек, за ненадобностью более...

Сказать по правде, ощущения у Венички² (а я отнюдь не просто так, не по случайности, решил назвать героя скорбной этой повести подобным именем, надеюсь, что читатели в дальнейшем сами всё поймут, без разъяснения) ни позитивными, ни радостными не были. Рука под капельницей, койка эта странная. «Куда попал-то я теперь? С чего бы всё это?» В подобных этой, тупиковых ситуациях, такие именно вопросы задают себе уже не юноши – мужчины, настоящие...

Ремни на бёдрах и груди, пристегнут намертво, на окнах сетка и решётка, небо в клеточку, иголка в вене, сверху виселица с банками. Тревожный, гадкий холодок, пронизав сразу же жизненно-важное пространство между лёгкими, разлился снизу живота, сдавил дыхание, и тут горячая волна тяжёлым маревом накрыла грудь, обдав железными иголками до самых кончиков ногтей. «Ну всё, допрыгался, – подумал Вени; удовольствия, естественно, тут было мало, – это что за наваждение? Тут КПЗ или больница?» За решётками, в чудесном вальсе падал тихий и торжественный, такой прекрасный, белый снег...

Он горько выдохнул: «Вот так и я, куда-то мчусь и вечно падаю, пустой, как старый барабан. Кому я нужен тут?» И он опять закрыл глаза. Об этом Веничке сегодня думать не хотелось. Просто спрятаться, закрыв глаза, забыться снова, ненадолго хоть, пускай на несколько минут уйти в забвение, стереть из памяти вчерашние события – вот это всё, что сейчас требовалось Веничке...

Припоминая постепенно эту жуткую и столь нежданную, вчерашнюю историю, он начал уже догадываться вроде бы, как оказался здесь и что бы это значило. Вот только сетка на окне и небо в клеточку – его, действительно, серьезно озадачили. «И что всё это означает? Где ты, Веничка? Куда ещё тебя нелёгкая забросила?» – вздохнул в растерянности он. Решёток точно уж у Вени в планах не имелось. Да и плана-то, на самом деле никакого, тоже не было, а уж тем более такого бестолкового. Настолько всё нехорошо и неожиданно, по-идиотски получилось этим вечером, как это, впрочем, зачастую и случается, и очень даже некрасиво. «Отвратительно, – подумал он, ну как ты мог такое выкинуть?» И вслед за этим он опять поплыл куда-то вдруг и провалился, словно в яму окаянную, во мрак спасительного, полного забвения.

---

² В имени главного героя автор проводит определённую параллель с главным героем знаменитого романа Венедикта Ерофеева «Москва-Петушки».

Сергей Геннадьевич, довольно молодой ещё врач-психиатр с обаятельным и правильным, слегка насмешливым лицом и аккуратненькой, как будто чеховской бородкой, был, пожалуй что, специалистом на своей нелёгкой должности. Свою работу (как частенько он говаривал, свои галеры, не особо перспективные) Сергей Геннадьевич любил, что в девяностые для наших граждан было больше исключением, чем нормой жизни, если помните, естественно.

Работа в должности не просто психиатра, а главврача, и руководство отделением – в огромной питерской больнице, разумеется, могла бы стать вполне достойным его личности, хорошим местом, но, однако, в этой должности скрывалось маленькое «но». Как показалось бы, на первый взгляд и небольшое, несерьёзное, а заключалось оно в том, что отделение, которым он руководил, обычным не было, сказать попроще, это было отделение полузакрытого разряда, из особенных, хотя при этом и не полностью закрытое. «Да ещё ладно бы дурдом, – порой раздумывал Сергей Геннадьевич, – денжат хоть заработаешь. А тут название одно, ни то ни сё тебе... Ни денег толком, ни науки!»

«Разумеется, – припоминал он иногда уже далёкие, так бурно прожитые годы, – лучше было бы служить в закрытом абсолютно отделении, где прячут буйных и убийц, а вместо с этими – изображающих действительно помешанных, а так, всего-то лишь немного отмороженных, так называемых «ночных хозяев города», в те годы часто избегавших столь бесхитростным, зато проверенным уже, рабочим способом, огромных сроков и разборок с конкурентами. Как говорится, всякий труд воздастся сторицей...»

Не рядовым специалистом, нет, естественно, сия печальная юдоль была им пройдена вполне успешно и не зря. Завотделением, затем главврач стационара (это минимум), а там и должности повыше, посерьёзнее... Труд на посту руководителя всей клиники, или, к примеру, даже зама, пусть не первого, что в целом тоже бы пока ещё устроило, так в идеале представлял себя он в будущем. Служба в действительно большом, солидном статусе, в таком, совсем уже закрытом учреждении, помимо неких, пусть и временных возможностей слегка поправить и своё благополучие, могла бы дать и материал к его коллекции и изысканиям в науке, в тонкой области приобретённых и врождённых качеств психики асоциальных и преступных типов личности. Всё дело в том, что он достаточно давно уже (хотя, признаем, без особенного рвения) писал большой и в эти годы актуальнейший, научный труд на эту тему.

С ранней юности склонность к науке и глубокому анализу всегда являлись неотъемлемыми свойствами его пытливого ума и цельной личности. Мединститут он (в те года, вполне естественно, простой Сергей, без всяких отчеств) мог, пожалуй что, закончить с «красным», на отлично: успеваемость и дисциплина у Серёги были, в общем-то, повыше среднего, на уровне. Однако же, подвёл единственный трояк, по анатомии, на первом курсе, совершенно неожиданный. Хотя, по правде говоря, Серёга, в общем-то, на этот счёт не волновался и не парился, гораздо лучше, как подшучивали медики, закончить с синим, рядовым дипломом доктора и красной мордой, чем в обратном сочетании. В аспирантуру он идти по окончании не захотел, хотя и звали, тем не менее, работа в клинике казалась понадёжнее. И тут Серёге «повезло по настоящему», в определённом смысле слова, как вы поняли. Свою карьеру, трудовую биографию, он начинал в так называемом «Скворешнике»³, известной всем психиатрической лечебнице, что на Удельной, за бетонными заборами, колючей проволокой сверху, ну и прочими, давно известными по зоне атрибутами. И там, в различных должностях, пускай и медленно, но поднимаясь всё быстрее и уверенней – крутой и скользкой, непростой служебной лестницей, отбарабанил целых восемь просто бешеных, безумных лет.

---

³ Скворешник – печально знаменитая психиатрическая больница имени Скворцова-Степанова.

И уж в «Скворешнике», естественно, материалов для исследований личности ему хватало, и с избытком, без сомнения. И дело вовсе тут не в диком изобилии больных на голову и напрочь отмороженных, в тогда вполне благополучном, мирном Питере. Во времена бескомпромиссной и решительной борьбы с гнилым, американским мракобесием, к ним попадали и нормальные вполне ещё, слегка обиженные разве что, кто бедами, кто государственной машиной неудачники, с не самым верным, так сказать, не самым правильным, особым взглядом на «партийную преемственность» и на устройство нашей жизни; разумеется, не без проблем уже, хотя и «излечимые». «Так у кого ж их не бывает, все мы, в общем-то, – считал Серёга, – с отклонениями, с бедами, у всех проблемы, ну и что? Живём же как-то ведь. Не демонстрируем всё это окружающим...» Уж это было очевидно, тем не менее, суровый мир психиатрии, эта мельница, к подобным типам абсолютно беспощадная, коротким махом, часто прямо на глазах его, почти мгновенно умудрялась трансформировать отнюдь не самых безнадёжных «заблуждавшихся» в отпетых дуриков и полных шизофреников. И трансформировать, похоже, окончательно. А как итог, и недостатка, ни малейшего, в материале для исследований психики, на этом месте у Серёги, понемножку перераставшего уже в Сергей Геннадича, как нам несложно догадаться, точно не было.

Работа в дурке, эти стрессы постоянные, его не очень тяготили, тут, со временем, у нас включаются защитные реакции, иммунитет, в противном случае не выдержишь и сам провалишься в психоз и деградацию. Его коллеги, несмотря на «необстрелянность» и юный возраст, относились к нему, в общем-то, вполне по-дружески и в целом с уважением, хотя, бывало, и подшучивали изредка, а пациенты – эти даже и с симпатией: каким-то лагерным, совковым надзирателем Серёга не был абсолютно. Как положено, по долгу службы у себя на отделении он проводил душевспасительные, нудные, не очень нужные беседы и дискуссии – при подготовке излечившихся на выписку (бывали даже и такие, пусть и изредка) и «ставил серу» – для особо выдающихся, упёртых умников, из тех же «заблуждавшихся», короче, просто исполнял свою рутинную, вполне обычную работу психиатра. На самом деле как и прочие, не более... А вечерами (по погоде, разумеется) любил пройтись по лесопарку, от Скворешника – до Пионерской, и частенько притормаживал у огороженной площадки, где тогда ещё располагался Конный клуб, любуясь стройными, жокейской выправки наездницами в шапочках и лошадьми под их хорошенькими ножками...

Эти прекрасные, родные нам животные, являлись главной его прихотью и слабостью. Его загадочной мечтой и страстью всей его, рутинной жизни, отчего-то были лошади, а так же всё, хоть как-то связанное с этими, невероятными и гордыми животными.

Глава вторая

– Да не волнуйтесь вы, Светлана! Успокойтесь вы! И прекратите вы рыдать! Ну всё! Немедленно! Возьмите в руки себя, Света! Сколько можно-то? Вы на водителя взгляните! Он же белый весь! Вы что, аварии хотите?! Да уймьтесь вы! – Дежурный врач ночной бригады скорой помощи уже садился в экипаж. – Ну хватит, милая! Да сколько можно повторять?! Светлана! Светочка! Да отойдите вы от двери, вы не слышите?! Нам ехать надо! «Что ж такое, ну и женщины... – пробормотал он раздражённо, – доведут же ведь, и стонут сами, как коровы!»

– Вы не слышите? Да говорю же я: не пустят в отделение! А даже если и пустили бы, что толку-то? Его с колёс в реанимацию, поймите вы! Сказал же! Света! Отойдите вы, пожалуйста! Да отойдите же вы, женщина! Вы слышите? Нам ехать надо! Объяснил же, написал же ведь. Пока оформим по расписке! Завтра, в Купчино! Давайте, утром приезжайте, с документами!

Тут, начиная подвывать в который раз уже, она достала кошелек, взглянув на доктора, отёрла мокрое лицо и зашептала вдруг:

– А может быть, вы извините, я подумала... возьмите, доктор, ради Бога, ну, пожалуйста... – похолодевшими, трясущимися пальцами взяла купюру наугад, похоже, крупную, и протянула, не раздумывая, в скорую.

– Да прекратите вы, Светлана! Не волнуйтесь вы! – и деньги скрылись в темноте. – Ну что вы, милая! Поберегите хоть себя! Доставим, Светочка! И не таких ещё возили! Всё, закончили! Как говорится, время – деньги! Не волнуйтесь вы, ложитесь спать и отдыхайте! Завтра, Светочка, в больницу утром приезжайте! Мы поехали...

И вслед за этими словами дверь захлопнулась, машина скорой развернулась за деревьями, и эти люди, ей чужие, незнакомые, его забрали, увезли. А Светка всё ещё так и ждала чего-то долго в этом сумраке; заледеневшими от холода ладошками достала пачку сигарет, вздохнула тягостно и закурила, глядя следом за мигалками, уже пропавшими в ночи. Дрожа от холода, она стояла в этом тихом и заснеженном, её за что-то невлюбившим, показалось бы – уже родном дворе-колодце и, беспомощно, тоскливо глядя в темноту, устало плакала. Тихонько всхлипывая, мокрыми ладошками стирала слёзы на щеках и молча плакала. Из бесконечной глубины полных сумерек, кружась пушинками в ночи, летел на каменный, огромный город, равнодушный к его жителям, такой искрящийся, пушистый и загадочный, такой прекрасный, белый снег...

Проснулся Веничка уже под вечер. За окном, в осенних сумерках, кружил всё тот же снегопад. Холодно-матовым, люминисцентным, полумертвенным сиянием, над головой светила лампа. Он приподнялся; в углу, левее, под негромкое ворчание и незлобивый матюжок, как понял сразу он, стучала мерно доминошными костяшками компашка странных мужиков. Он чуть прислушался. «Всё, психи! Рыба! Подбиваем и считаемся, – внезапно кто-то прогремел командным голосом. – Подъём, братва! На перекур, хорош тут париться...»

Он подтянулся на локтях, приподнял голову и повернулся к игрокам:

– Здорово, дяденьки! И кто ведёт?

– Здорово, дядя, коль не шутите! Ну что, проснулся наконец? Добро пожаловать, самоубийца, – иронически ощерившись, сказал тот самый, объявивший рыбу только что. – Наше вам с кисточкой! Живой? Уже очухался?

Тут мужики, переглянувшись, разом поднялись и обступили с двух сторон его каталочку.

– Живой, как видите, проснулся... – сник он сразу же, – И всё-то, парни, вам известно...

Тут чего у вас, своя разведка?

– Ну а то... Разводка, дяденька... Тебя как звать-то, не подскажешь? – вновь оскалившись – щербатым ртом, тот ухмыльнулся беззастенчиво.

– Вениамин, а можно Веня, – полушёпотом он тихо выдавил в ответ, – а в пацанах ещё, ну в первых классах, Витамином был, по-первости.

– А ты, похоже, Витамин, по нашим сведениям, чуть не зажмурился вчера. Вот так-то, дяденька. Разведка наша доложила... Так что, дяденька, как говорится, с днём рождения! Со свиданьем! С тебя полбанки, ты согласен? – и, ослабившись, на всякий случай уточнил: – поллитра каждому, чтобы не шастать за добавкой, как ошпаренный, – и протянул свою ладонь: – у нас тут, знаете, культур-мултур, как в Ереване выражаются. Будем знакомы: Константин. А можешь Костиком, или Костяном называть, да хоть Костянычем, у нас тут всё без церемоний.

Чуть расслабившись, Веня кивнул и подал руку собеседнику. Ладонь Костяна оказалась, к удивлению, большой и крепкой, и достаточно увесистой, для невеликого такого, показалось бы, не богатырского сложения товарища...

– Тогда и я без церемоний, просто Веничка, – он улыбнулся неуверенно пока ещё: – давай, Костян, готовь посуду ближе к вечеру! Сегодня что-нибудь придумаем, по-всякому... – настрой у Вени стал расти, и неожиданно, вдруг появилось боевое вдохновение...

Наутро Светка поднялась разбитой начисто. Седое небо за деревьями и крышами глядело хмуро из окна над подоконником, как будто тоже захотело с ней поплакать вдруг и точно также не смогло. «Ну на работу хоть, – она вздохнула тяжело, – не надо, слава те... моих до вечера не будет, Бог помиловал. Ещё Катюхе позвонить бы, не поймёшь теперь, когда доеду и доеду ли до вечера, и что там дальше... И Марусенку проветрить бы».

Она легонько потрепала по загривочку такую верную, испытанную временем, чем-то слегка напоминающую издали батон варёной колбасы, и ей неведомой, не поддающейся никому анализу, смешной породы, с умилительно виляющим, хвостом, колечком, рыжеватого-белым носиком и изумлёнными глазёнками воробушка, свою давнишнюю и верную любимицу:

– Ну что, Машуля? Прогуляемся маленечко?

В ответ Маруся, наклонив немного голову, приподняла хозяйке ухо: я, мол, слушаю.

– Сегодня я с тобой гуляю. Нет, Марусенька, сегодня Веньки, – сообщила она горестно своей подруге.

Та вздохнула озабоченно, и, встав хозяйке на колени, неуверенно, лизнула коротко в лицо: да понимаю я, сама всё вижу, ну чего тут непонятного?

Она включила небольшой, пузатый чайничек, умылась наскоро, присела на минуточку. Постель сегодня застилать ей было лень уже, не до постели было как-то, не до прѳстыней, да и на самом деле, не для ко́го вроде бы. Чистюля жуткий, её Веничка безбашенный, с невероятной педантичностью, как в армии, стелил постель, взбивал подушки и подравнивал, даже такие незначительные мелочи, как эта мягкая постель, её любимого невероятно раздражала. Он без устали мыл сковородки эти вечные, кастрюлечки; как вообще в нём уживались столь различные, несовместимые настолько его качества, как этот нудный педантизм и это вечное, его по жизни раздолбайство абсолютное, казалось ей неразрешимым уравнением. Её же мелочи подобные не трогали, казались ей по барабану. Так ли, эдак ли, её любимого сегодня дома не было, и улыбнуться за их утренние нежности тем утром Светке оказалось просто некому. «Ну хоть прибралась тут вчера, не поленилась хоть, – вздохнула Светка, – на сегодня не оставила...»

Бригада скорой прошлой ночью, прямо сразу же, буквально сходу всё заляпала ноябрьской, размокшей грязью. Бестолковыми вопросами её, по счастью, не терзали и не мучили, и без того всё было ясно. Что тут спрашивать? Бутылка джина на столе, пустая баночка... и это тело на диване. Вроде ясно всё...

– Где раздобыли-то такое, не в аптеке же? – дежурный врач бригады скорой, хмурый дяденька, взглянув на банку, недоверчиво насунился, – ну да чего уж там, сейчас нам не до этого, – проверил пульс, приподнял веки и спросил её: – и что, давно он так лежит? Очнитесь, девушка! Вы меня слышите, давно он так?

– Не знаю я, – тихонько всхлипнула она, – не помню точно я... – Я что-то в комнате смотрела, захожу сюда, а он лежит. Я в неотложку, прямо сразу же. Ну повезло хоть, дозвонилась...

– Так. Понятно всё, – он быстро глянул на часы, – тогда, наверное, не так давно. Ну хорошо, тогда работаем, – он обернулся ко второму: – нашатырь ему, адреналина, полкуба давай, наверное... и зонд готовь для промывания. Поехали... А мы давайте-ка пока, – взглянул на Светика, – заполним с вами документы. Вы, простите уж, сама-то, кем ему приходиться? Не скажете?

– Женой, гражданской, – прошептала она тягостно, вздохнула горько и отчаянно добавила: – женой пока ещё, супругой, понимаете?

– Вы успокойтесь, дорогуша, соберитесь вы! – взглянул он строго на неё, – давайте, милочка, возьмите в руки-то себя! Придите в чувство вы! Слезами горю не поможешь, уверяю вас!

И этот голос, колокольными раскатами, проплыл у Светки в голове: «Давайте, милочка... слезами горю не поможешь...»

– Вот что, милая, вас как зовут?

– Светлана, – всхлипнула в ответ она.

– Поймите, Света, чем скорее мы управимся, тем будет лучше для него. Надеюсь, поняли?

Ей на минуту показалось, будто всё это совсем не с ними происходит, а в мучительном, каком-то жутком полубреду, полусне уже. Она заполнила какое-то «Согласие», теперь уже не понимала, что... о чём это... и принесла высокий таз, а после этого, они все вместе, сразу принались за Веничку. Адреналин и нашатырь уже сработали: он приоткрыл свои глаза, натужно сморщился и что-то мыкнул, неразборчиво и тягостно.

– Ну что, неплохо! Понемногу просыпаемся! – отметил доктор с очевидным удовольствием; раздвинул зубы, надавив ему как следует, тугими пальцами на щёки между дёснами, просунул в горло тонкий шланг, и они сразу же – в него набулькали воды.

– Теперь послушайте, – сказал он ей, – сейчас мы вместе, аккуратненько, его поставим на диван, да не пугайтесь вы, на четвереньки, а затем, алё... вы слышите? Вы ещё здесь? Ау, очнитесь уже, Светочка! Затем вы вызовите рвоту. Понимаете?

«Да уже вызвала, похоже...», – всхлипнув горестно, вздохнула Светка.

– Ну и как же мне, по-вашему, всё это сделать? Он же спит... Вы не подскажете? – она взглянула озадаченно на доктора. – Самой тут разве что нагадить...

– Вот что, милая, нам не до шуток тут, надеюсь понимаете? – он ей нахмурился в ответ, – вы что, не слышите? Два пальца в рот, чуть-чуть поглубже. Ну, вы поняли? Подвиньте стол и таз поставьте свой, пожалуйста. Ещё минуточку... и руки покажите мне, – он посмотрел на её пальцы. – Вот что, милочка, обрежьте ногти-ка, пожалуйста. Поспешите вы! Давайте, Светочка, скорее...

Полуспящего, что-то мычащего как пьяная бычарина, они поставили его каким-то образом на четвереньки, оперев на подлокотнике, она присела в ожидании на корточках.

– Пониже, Светочка, пониже, не стесняйтесь вы, – вздохнул ей доктор, так не выйдет! Да присядьте вы! Пониже, Света! Вы не слышите? Ну что же вы, не понимаете меня? Пониже, милая!

Она присела на колено, доктор заново раздвинул рот ему.

– Да встаньте вы пониже чуть! Вы что, не видите? Ну вы же так не справитесь!

И Светка встала на колени. В тихой панике, впервые в жизни, словно в церкви под распятием, она склонилась перед этим умирающим, мычащим что-то неразборчиво и тягостно, таким родным и абсолютно безответственным, таким любимым раздолбаем и упрямецей, теперь, казалось, уходящему навек уже, в буквальном смысле на глазах, и слёзы сразу же, потоком хлынули из глаз. Она просунула свою ладонь ему в рот и нерешительно толкнула вглубь над языком. По телу Венички вдруг пробежала злая дрожь, живот натужился и заходил крутой волной; в одно мгновение он весь, от пяток до макушки содрогнулся вдруг, и, заливая всё вокруг седой испариной, наружу хлынула кипящими потоками его смертельная вода. Буквально сразу же, в одну секунду он очнулся окончательно, глаза катнулись из орбит, с глухими стонами он изрыгал из чрева целые фонтанищи своей убийственной отравы. Светка заново вжимала в рот ему ладонь, в который раз уже, пока конвульсии не стихли окончательно и не исчезли наконец.

– Ну всё! Достаточно! Великолепная работа! – доктор, кажется, был ей доволен. – Уголь в доме хоть имеется? – он посмотрел на измочаленного Светика, – вы что-то бледная совсем. А то давайте-ка, – он указал ей на «Бифитер», – пару капелек, грамм пятьдесят не помешает, я так думаю. А то и вас тут... не пришлось бы нам откачивать... И уголь, уголь если есть, давайте сразу же!

Ещё дрожащими от ужаса ладонями, она, плеская, налила и сразу выпила. Натужно сморщившись, вдруг судорожно вздрогнула и посмотрела озадаченно на доктора:

– Сейчас... Есть уголь, есть, конечно. Сколько надо-то?

– Таблеток восемь в самый раз, – взглянув на Веничку, ответил тот, – кило под семьдесят, я думаю, в нём наберётся. Как вы думаете, Светочка? Плечищи, гляньте вон, какие! Сами видите...

Они со Светкой усадили его заново, доктор ещё раз объяснил ей всё в подробностях, оставил адрес и дежурный номер клиники, и наконец, уже не спящего, казалось бы, хотя пока и не очнувшегося Веничку, спустили в лифте, пристегнув его к носилочкам, и уложили на кушетку скорой помощи. Второй помощник сел напротив, доктор – сразу же – залез к водителю, вперёд, а ей, бессовестно... и беспардонно отказали в этой мелочи – доехать с ними до больницы, присмотреть за ним. И они просто увезли его, уехали. Она стояла на снегу и тихо плакала. Опять одна, в холодном этом, зимнем сумраке...

И вспомнив снова эти жуткие события, она протяжно застонала, горько выдохнув, и закачалась на диване в безысходности. Ей захотелось чуть поплакать, просто горестно, опять проплакаться немного в одиночестве. «Ну вот за что, – глотая слёзы она всхлипнула, – за что мне это наказание? За что он так? Люблю же, правда! Ну люблю же ведь, балбесину! Ну вот за что он так со мной? За что, действительно?!»

Глава третья

Бухнуть, однако же, в дурдоме этим вечером больным душой не удалось. Вполне естественно: тут вам не Портленд, так сказать, не до веселья тут, тут не безумная, прогнившая Америка. Вот только Веня, наш герой, так и не понял ведь, куда попал, куда нелёгкая забросила, на этот раз. Так что, вернёмся-ка, пожалуй что, мы с вами к шизикам в палату, поглядим ещё, что там у нас произойдет. Не возражаете?

– Тогда и я без церемоний, просто Веничка, – он улыбнулся, недоверчиво пока ещё, столь неожиданному, новому товарищу, – давай, Костян, готовь посуду ближе к вечеру! Сегодня что-нибудь придумаем, по-всякому...

– Ага! Посуду... Разбежался... – ухмыльнулся тот, уже скорей на автомате, чуть растерянно, ведь сам зачем-то и затеял вроде шуточный, дурацкий этот разговор с ещё не знающим, куда попал, где оказался неожиданно, очередным самоубийцей, неудачником, Незнайкой этим на Луне. Контрольным выстрелом в его глазах сверкнула искорка безумия, однако тут же и погасла. Он ослабил: – ты, Веня, глянь-ка, посмотри вокруг внимательно. Давай, приятель, погляди...

Он чуть припобднлся, повёл глазами неуверенно, однако же, чего-то нового и страшного совсем уже, так ничего и не нашёл. Кровати, тумбочки, обыкновенная палата, сетка только вот, за ней решётка... «В самом деле, странно всё это, – подумал Веничка, – и что бы это значило?»

– Смотри, смотри, Вениаминчик, не стесняйся ты! – заметил сразу Константин его сомнения, – как, не смущает ничего? Вот эта сеточка... и небо в клетку за окном. Надеюсь, нравится? Вам ни о чём не говорит?⁴

А он, действительно, уже занервничал слегка. Хотя, казалось бы, чего тут нервничать теперь? Ну сетка, дальше что? Ну пусть решётка... Так ведь давеча, вчера ещё, прощаться с жизнью собирался. Как по-вашему, иди попробуй, напугай-ка суицидника какой-то сеткой на окне! И всё же Веничке вдруг стало вновь не по себе. Настолько гадко всё, безмозгло вышло, это глупое решение, всё одним махом и закончить, тем не менее, оставить тайную, последнюю лазеечку, не прыгнуть птицей из окна, какой-то гадости, снотворной дури наглотаться. Омерзительно...

«Как у Высоцкого, – он вспомнил неожиданно, – не умереть, уснуть всего-то лишь.» Действительно, ведь не хотел он умирать по-настоящему, решил попробовать, балбес, по пьяной лавочке. Ну и попробовал... Вот только и успел ещё, что джина с тоником бабахнуть, на прощание, да сигареткой затянуться, напоследок уж, как тут реальность поплыла куда-то сразу же, а сил подняться и исправить положение уже совсем не оставалось, просто не было. «Какая гадость, – думал он, – а как же Светка-то? Его, придурка, хоронить любимой женщине. А как же мама? А к примеру, если выживет, но инвалидом, или овощем беспомощным? И Вене снова стало стыдно. «Не придурок ли? – подумал он, – ну как ты мог такое выкинуть?» Он вдруг увидел дорогую свою женщину, в немых и горестных слезах, у скорой помощи, представил горькие, тупые объяснения: «Он потерял большие деньги, мы поссорились». «Какой кошмар, – подумал он, – какой позорище!» И Вене снова захотелось просто спрятаться, опять накрыться с головой, забывшись начисто, уйти отсюда, пусть на несколько коротеньких, успокоительных минут.

---

⁴ Здесь автор намекает на сцену из знаменитого романа Кена Кизи «Пролетая над кукушкиным гнездом». Действие разворачивается в психиатрической больнице. В одной из финальных сцен романа пациенты устраивают грандиозную попойку прямо в отделении. Больница находится в пригородах Портленда.

– Похоже, дяденька, уже просёк чего-то, вижу призадумался, – услышал он знакомый голос, – или спит опять? Давай, подъём уже, братан, хорош печалиться, – тот потрепал его слегка, – успеешь выспаться!

– Да призадумаешься тут, – промямлил Веничка, – послушай, Костик, а чего у вас решётки-то? – в реальность верить не хотелось. – Я не в тюрьме ведь?

– Ну ты даёшь, ну ты прогнал, однако, дяденька, – тот ухмыльнулся широко, – ну вы и скажете! Перекрестись-ка ты, да сплюнь ещё, для верности! Ты что вчера, набедокурил, грабанил кого? И уколошил заодно? Давай, рассказывай! Колись, брателла, – тот совсем уже в открытую, над ним буквально измывался. – Все попрятались! Под одеяло, отмороженные, замерли! Лежать, бояться! Зацените, параноики, а у Геннадича сюрприз! Серьёзный дяденька! Аплодисменты, господа! – заржав раскатисто, он посмотрел на озадаченного Веничку: – чувак, ты в дурке. Ну чего ты, не врубаешься? Да не в тюрьме ты, расслабься! Как в кино у нас: вы не волнуйтесь, вас тут вылечат! Догнал уже?

Он приподнялся на подушке в изумлении и посмотрел на Константина ошарашенно:

– А что я в дурке-то? Я как тут оказался-то?

– А ты не знаешь? Попрошу у всех внимания! – тот обернулся к наслаждающимся шизикам (такой концерт им неожиданно устроили!) – они не знают, как обычно! Ну естественно! Ежу понятно, их высокие высочества такого даже не слышали, им же по фигу... Самоубийц, мой дорогой, – он усмехнулся чуть, – в дурдом везут, почти всегда. Вот так-то, дяденька... Ну тех, которым повезло. Уже врубаешься? А невезучих сразу в морг. Хотя, как знать ещё, кому тут больше повезло, – сверкнул он яростно – какой-то горестной улыбкой. – Ну да ладно-то... Таких как мы всё это точно не касается... Тебе, как видишь, повезло. Согласен, дяденька? И вот теперь ты вместе с нами. Ну, врубаешься?

Вот это был уже сюрприз. Такого Веничка ну уж никак не ожидал. Взглянул на Костика и произнёс:

– Приплыл, похоже... Полежу-ка я... Не по себе мне что-то, братцы, чуть подумаю...

И вновь залез под одеяло, с головой уже...

Ещё с начала девяностых, или раньше чуть, когда – для многих совершенно неожиданно, жизнь начала преподносить советским гражданам необычайные сюрпризы и подарочки, бывало в качестве шальных и быстрых табошей, а то, бывало, прямо сразу же за табошем, ещё и более шальных и быстрых выстрелов, народ наш, сам и без особого раздумия, вдруг потянулся к православию и Господу. А кто и к дьяволу, случалось, не без этого... Газеты разом, в одночасье запестрели вдруг рекламой всяческого рода заклинателей, различных ведьм и колдунов, шаманов, знахарей... и чародеев в тридесятном поколении. Все обещали очень много и немедленно, без лишних тягот и хлопот. Совсем недорого вам предлагались феерические прибыли, возврат мужей и приворот, а также быстрое (и окончательное), полное решение так называемых «проблем большого бизнеса». И хотя полным, а тем паче окончательным, вышеуказанным решением – у бизнеса, в те времена у нас заведовали знахари совсем иного направления, однако же, народ доверчиво тянулся, побыстрее бы...

Однако Светка, относившаяся вроде бы, к подобным шалостям от Бога с лёгким юмором, где-то под сердцем, подсознательно скорее уж, слегка побаивалась всей этой коммерческой, потусторонней бесовщины, этой ереси. «С такими силами заигрывать не следует. И Бог и дьявол, – у неё сомнений не было, – вернут обратно вам её без колебания».

Какой-то набожностью, искренней и истовой, она совсем не отличалась, в Бога верила скорее просто по неписаной традиции и по велению души. Время от времени она заглядывала в церковь (лишь по случаю) – поставить свечки у иконы Божьей Матери и за ушедших навсегда, хотя тогда ещё... у Светки было их немного. Этим, собственно, её общение с посланниками

Божьими и завершалось; «Отче наш» она, естественно, и знать не знала, не молилась никогда ещё и на коленях не стояла, и не думала...

Крестилась Светка лишь недавно, в девяностые, когда внезапно это стало общепринятым и даже модным, тем не менее ни крестика, и ни распятия не носила, крестик Светика лежал в малюсенькой шкатулке, рядом с кольцами, её серёжками, цепочками и бусами, и парой вытертых монет, ещё от бабушки. И даже с Венькой, по её слегка шутовскому, однако меткому при этом выражению, они «как будто обвенчались»; замуж Светику, как полагается у нас, по настоящему, с фатой до пяток, в подвенечном одеянии и пьяной дракой в кабаке под окончание, уже под занавес веселья, как ни странно уж, идти пока что не хотелось, и без этого они являлись полноценными супругами. Плюс ко всему, все эти нудные формальности: штамп в паспортах и фотосессия под музыку, марш Мендельсона и пустые обещания, она, и правда, полагала просто лишними. «Ты сам подумай, – говорила она Веничке, – причём тут ЗАГС, в конце концов? Скажи, пожалуйста! Или вам, юноша, так сильно этой записи, в талмуде ЗАГСа не хватает? – в шутку будто бы, она подкалывала Веню. – Сам подумай-то! Браки свершаются не здесь, ну ты согласен хоть? На небесах, ты понимаешь меня, миленький?» И Веня ей не возражал, с любимой женщиной он был согласен. Я надеюсь, понимаете? Совсем непросто возражать любимой женщине...

Как бы то ни было, спустя всего два месяца – совместной жизни, он купил два привлекательных, хотя серебряных колечка (не из жадности, поймите верно, не любил он цацки все эти), но с бриллиантовой насечкой по окружности, чтобы сверкали поживее и попраздничней, и с обещанием себе и даже Господу теперь быть вместе, с той минуты навсегда уже, они торжественно одели их на пальчики, один другому, в Церкви Праведного Лазаря, при Александро-Невской Лавре, без свидетелей и лишних глаз, после чего, недолго думая, пошли в кафе на Староневском, выпить что-нибудь, по столь торжественному, радостному случаю.

И после значимого этого события (когда погода позволяла, разумеется) они ходили Крестным ходом на Пасхальную, святую ночь, шли по периметру кладбищенской, ближайшей церкви – Серафима Преподобного, крестились истово, шептали поздравления... и отправлялись, просветлёнными теперь уже, в свой двор колодцем, пить кагор на тёмной лавочке, с такими точно же «поборниками Божьими». На этом все их отношения с Вершителем тогда как будто и исчерпывались в принципе.

Уж как-то так у нас сложилось тут, у грешников, о Боге мы хотя и знаем, тем не менее, на неосознанном скорее, тайном уровне, и вспоминаем мимолётно, между делом лишь. Конечно, многие, вне всякого сомнения, заходят в церковь (чаще всё-таки по случаю) и оставляют там записочки за здоровье, за упокой родимых душ, увы, безвременно, уже ушедших навсегда, – друзей, родителей, и ставят свечки: на алтарь и Божьей Матери, и обязательно Николе покровителю. Из всех святых мы почитаем, отчего-то уж, больше других как раз Святителя Николушку, прямо ответственного в нашем представлении не за одних лишь моряков и прочих странников, но и за наше, так сказать, благополучие. Ещё с крыльца мы выключаем звук мобильного, кладём размашисто кресты, украдкой шепчемся со скорбным ликом на иконе Божьей Матери, идём к Николе – попросить посильной помощи, и в завершение общения с Создателем мы ставим свечку за ушедших. Детки всё у нас теперь крещёные едва ли не с рождения, в последний путь мы провожаем с отпеванием, а регистрация решений о супружестве у нас частенько завершается венчанием в каком-то модном то ли храме, то ли статусном, престижном клубе с благочинными диджеями, и за космические деньги, разумеется. На Пасху все теперь мы ходим обязательно, как коммунисты на партийное собрание, при Леониде Ильиче; что удивительно, есть и такие, кто постится, как положено, все сорок дней, а вслед за тем, буквально сразу же, Пасхальной ночью, пьяным в жопу едет к барышням и развлекается под виски и шампанское, забыв

о совести, о Боге и супружестве. И даже в школах есть теперь слегка запутанный, непостижимым, странным образом привязанный... не то к душе, не то к утерянной давно уже, весьма таинственной, божественной духовности, предмет с названием ОРКСЭ⁵ (вы извините уж, расшифровать без мата явно не получится...). И тем не менее! Совсем по-настоящему мы вспоминаем о Творце в одном лишь случае: когда беда у нас самих. Когда ночами нас вдруг накрывает с головой холодным ужасом, за дорогого человека. Безысходность лишь, лишь только тьма и абсолютное отчаяние нас заставляют обратиться прямо к Господу, просить пощады у него, когда, наверное, уже и не у кого больше. Понимаете? И вот тогда, бывает так, уж вы поверьте мне, мы со слезами, опустившись на колени вдруг, беззвучно просим у Него, за нас принявшего такое жуткое, смертельное распятие, прощенья, милости и просто милосердия...

---

⁵ ОРКСЭ – Основы религиозных культур и светской этики.

Глава четвёртая

Двери троллейбуса закрылись с тихим шорохом, она взглянула на часы: «Ну хоть доехала, – вздохнула Светка тяжело, – в такие дали-то, да с головой больной тащиться. Ничего ещё, добралась, слава тебе Господи, доехала». Заряд ноябрьского снега, в белом мареве круживший ночью над домами и деревьями, как будто сжалившись над жителями Питера, утомившись наконец, умчался к Западу, куда-то к Финскому заливу. Злой и яростный, холодный ветер разогнал в седые стаечки густые тучи и погнал почти пуховые, шальными пёни облачка. Над зимней слякотью внезапно выглянуло солнце. Лишь у Светика сегодня было на душе совсем не солнечно. «Что там у Веньки-то? – терзал её мучительный, немой вопрос, – ну откачали его вроде бы, а дальше что? – припоминала она в ужасе слова вчерашнего врача, произнесённые... скорее всё же сгоряча, она надеялась: «необратимые последствия, тяжёлые, вполне возможны». Даже думать о последствиях ей было страшно.

И слова эти ужасные: дурдом, психушка, психбольница, психлечебница... Подобных слов она боялась до безумия. «Ну хорошо, пусть это будет неврология, – казалось ей, – пусть даже психоневрология, – так было всё-таки полегче, поспокойнее. А омерзительно кошмарное и гадкое, сухое слово «суицид», каким-то образом ассоциировалось в Светкином сознании с колючей проволокой, где-нибудь в концлагере. И даже вроде бы, звучавшая помягче чуть, но оттого ничуть не менее кошмарная, формулировка о «попытке», «Бог помиловал, хоть неудавшейся», – вздыхала она тягостно, в душе у Светки вызывала боль и панику. Уже при мысли о беседе с его доктором ей становилось просто плохо, тем не менее, она отлично понимала: пусть и общих лишь, хоть минимальных объяснений происшествия ей всё равно не избежать.

«О Боже, Господи! Ну помоги ты мне, – молила она шёпотом, – ведь ты же можешь, я прошу тебя, ну сжался ты! Хотя бы ты будь милосерден ко мне, Господи!» И с этой горестной мольбой, на ослабевших вдруг, почти негнущихся ногах, в холодном ужасе, она прошла через открытую калиточку огромной питерской больницы, где-то в Купчино, и замерла на миг в преддверии ужасного...

У всех из нас, наверняка, уж тут, я думаю, сомнений нет, случались в жизни ситуации с болезнью близких и родных, друзей, товарищей, любимых женщин, матерей, и мы, естественно, их навещали в медицинском учреждении. А коли так, то вам известно это тяжкое, это терзающее сердце состояние: глухой тревоги и тоски за дорогого вам, давно родного человека: мужа может быть, жену, родителей, любимого до коликов, хотя и страшно непослушного сынулечку, а может доченьку, красавицу на выданье.

Когда тебе уже известно, что с любимыми всё в относительном порядке, ты, как водится, несёшь пакет каких-то яблок, что-то вкусное, кивком приветствуя охранника на выходе, вполне уверенно проходишь в отделение и дверь в палату открываешь с чуть растерянной, но тем не менее с улыбкой. В этом случае ты знаешь точно: всё идёт как полагается.

Совсем иначе, как вы знаете наверное, всё происходит, если вы идёте к старому, одной ногой как будто здесь, а вот другой уже... едва не Там, вы извините мне пожалуйста, больному тяжело человеку. Тут, понятно уж, не до улыбок, абсолютно, не до сладостей. На персонал в подобных случаях вы смотрите со смутной верой и тоской, с парализующим, тяжёлым страхом быть внезапно остановленным, словами: «вам туда не надо». Понимаете? Не пожелал бы и врагу, не дай-то Господи...

И уж совсем бывает тяжело, если к этому, давно родному человеку, вы приехали разбитым напрочь, с головой налитой оловом, после того, как среди ночи, полумёртвого, его по скорой увезли в реанимацию, и что там с ним, вы до сих пор ещё не знаете, вам неизвестно, где искать его и жив ли он, хотя искать, конечно, надо...

В первом корпусе, в окошке справочного, вежливая в общем-то, сухая дамочка с тенями манекенщицы и взглядом женщины бальзаковского возраста, пустыми колкостями Светика не мучила. Перелистала свой журнал и, чуть нахмурившись, переспросила:

– Как, сказали вы, фамилия? Не нахожу чего-то. Не было. Вы, женщина, не ошибаетесь случайно? Точно Сизиков? Таких вчера не поступало. Нет, не вижу я... Вы ничего не перепутали, родимая? Вы, извиняюсь, кем сама ему приходитеесь?

– Женой... Гражданской, – растерялась она сразу же. – Ну как же так? Не может быть! Пообещали ведь! Сказали: точно доведём! – Слеза отчаяния скатилась тут же по щеке, она вдруг всхлинула: – сегодня в пять, по неотложке, к вам отправили...

– Ну замечательно! Вы что там, дорогушенька, перестарались с валерьянкой! Что вы, милая? Вы хоть подумали немного? В пять утра уже? Так это, милая, сегодня, не считаете?

– Да, да, конечно, извините, – ком отчаяния, вдруг подступивший к её горлу сжав дыхание, катнулся вниз, – вы извините, перепутала...

– Вот так-то лучше, – проскрипела та насмешливо. – А то гражданские они тут, понимаешь ли... Им обещали... И чего они тут шастают... – негромко буркнула под нос она, – гражданская... Ну всё, нашла. Психиатрия, неврология. К шести утра в реанимацию доставили. Девятый корпус. Не задерживайте, дамочка...

– А это где? – спросила Светка неуверенно, – вы не подскажете?

– Вы, дама, не заметили, вы не одна тут! – возмущившись этой наглостью, та прошипела ей в ответ, – не понимаете?

«Ну да, естественно, сестрица милосердия», – она подумала внезапно.

– Совесть есть у вас? Вы, дорогушенька, мне очередь тут держите! Найдёте как-нибудь, надеюсь не заблудитесь! Вот заодно и прогуляетесь, проветритесь... Давайте, следующий, граждане! Я слушаю...

Поговорив немного с вежливым охранником и всё узнав, необходимое ей здание она нашла довольно быстро. В узком дворике, табличка сверху, над бетонными ступенями, гласила: «Нервные болезни. Неврология». Примерно так всё это Светику и виделось. Вполне культурно и корректно. Эта – вроде бы – простая мелочь, ерунда на самом деле ведь, её немного остудила, успокоила. Однако Светка не могла никак отважиться, достала пачку сигарет, вздохнула тягостно, чуть отошла и закурила в сотый раз уже...

Снаружи кто-то постучался неуверенно, и показалась голова:

– Сергей Геннадьевич, на пару слов, не возражаете? Я быстренько...

Сергей Геннадьевич, со вздохом сожаления, вложив закладку между глянцевого картиночек, закрыл журнал, где потрясающие всадницы, на чистокровных скакунах, казалось, нехотя, неспешной иноходью, плавно и уверенно переходили по страницам. «Вот не вовремя... Ну и чего ему опять? – вздохнул Геннадьевич. – И что неймется-то ему? Чего их носит-то?»

– Ну заходи уж, раз пришёл. Чего ещё-то там? Ты что хотел-то, Николай? Давай, выкладывай...

– Да посетитель тут, – замялся тот растерянно, – ну, посетительница... к новенькому нашему. Супруга типа... Утверждает, что гражданская. Ну что, пустить? – он ухмыльнулся неуверенно.

– Ну что ты маешься? – прищурился Геннадьевич, – чего ещё-то у тебя? Давай, рассказывай...

Тот, хитровато улыбнувшись, огляделся чуть и полушёпотом добавил:

– Симпатичная... Такая, вроде ничего...

«Дурдом, действительно, – слегка нахмурился в ответ Сергей Геннадьевич, – где вообще таких находят? Параноиды...», и погрозил балбесу пальцем: ты давай, мол, тут, не забывайся, не шали...

– Давай, зови уже, – ответил Коле он, – отлично, что приехала. Найдём о чём поговорить...

С негромким шорохом стальные двери наконец открылись медленно, из недр каркнули «Входите» сиплым голосом, и Светка, выдохнув, вошла в какой-то сумрачный, пустой больничный коридор. В углу, за столиком, сидел, скучая над кроссвордом в одиночестве, какой-то страж правопорядка, в этих звёздочках она совсем не разбиралась. Чёрным коробом – совковый древний телефон, потёртой книжицей – журнал учёта посетителей и красная, большая кнопка под рукой, «Ага, милиция...», – вздохнула Светка. Оторвавшись с сожалением, – от бестолкового досуга, тот внимательным, колючим взглядом посмотрел на приглашённую:

– Пропуск, пожалуйста, позвольте мне, гражданочка. И паспорт, будьте так добры...

– Да-да, минуточку, – она достала паспорт с пропуском из сумочки и протянула через стол: – ну вот, пожалуйста.

Он посмотрел на фотографию из паспорта, потом на пропуск, на неё, вписал фамилию и с недоверием уставился на Светика.

– Прошу прощения, оружие имеется? Колюще-режущие, дамочка, наркотики?

– Да вы о чём ещё? Какое тут оружие? – она вздохнула ошарашенно дежурному, – зачем наркотики-то мне? Вы что, не шутите?

– Позвольте сумку осмотреть? Давайте, барышня, на стол выкладывайте вещи.

– Ну и правила... – она достала косметичку, пачку Салема, ключи от дома, кошелёк...

– Ну вот, пожалуйста. Здесь только пилка для ногтей, и то из пластика. Ни пистолетов, ни наркотиков, как видите.

– Да вижу, вижу. Всё в порядке, можно складывать, – он даже в сумку не взглянул. – Прошу вас, дамочка, по коридору до конца, за отделением. И к санитару подойдите. Там увидите...

И моментально, отключившись от реальности, уткнулся шнобелем в кроссворд.

«Дурдом, действительно», – вздохнула Светка на ходу уже.

– Послушайте! Вернитесь, дамочка! Вы пропуск тут оставили, – прокаркал в спину ей дежурный. Вы не слышите?

А Светка, правда, ничего уже не слышала...

Меж тем Колюня в этот раз не обмишурился, эта «гражданская супруга», уж как минимум, была собою неплоха, подобной прелести Сергей не видывал давно. «Смышлёный юноша, и глаз алмаз, повёлся сразу же на сладкое, недаром в дурке санитар», – вздохнул он тягостно.

Точёным профилем фигурка, очень стройная, на невысоких каблучках, мальчишья плечики, овал изящного лица, пшеничным колосом – прелестный хвостик из-под шапочки и полное, едва не детское отсутствие косметики. «И в самом деле, хороша», – подумал тут же он. Всего же более сразили его сразу же глаза нежданной его гостьи, будто облаком, слегка накрытые печальной поволокою, и в то же время словно бешеные, горькие, больные начисто глаза разбитой женщины. «Как лошадь загнанная, девушка с характером, – вздохнул Геннадьевич, – заняться бы ей следует, пока до ручки не дошла, с такими данными...»

Его желание устроить «этой дамочке» терапевтический сеанс исчезло начисто, как будто не было его. И тем не менее, он понимал это по опыту отчётливо, уж если надо, значит надо, что поделаешь...

Он поднялся из-за стола и подал руку ей:

– Сергей Геннадьевич, главврач, заведующий. А впрочем, можно и Сергей. Не возражаете? Так будет проще... тут у нас без фамильярностей. Работа, знаете, такая... – улыбнулся он, – прошу, пожалуйста, входите...

Растерявшись чуть, она кивнула головой:

– Светлана. Здравствуйте, – и подала ему свою.

Ладошка доктора казалась тёплой и сухой, слегка напомнив ей... слоёный, мягкий пирожок, в гостях у бабушки.

– Прошу, присаживайтесь, Света, – указал он ей на свой «профессорский» диван, – а я, наверное, чайку поставлю, если вы не возражаете...

Своим рабочим кабинетом он, пожалуй что, имел как минимум большие основания вполне заслуженно гордиться. Если честно уж, в каком-то смысле это было его детище, плод титанических трудов на этом горестном, таком ответственном посту. «Ну ведь должно же быть... хотя бы что-то в этой жизни трудоголика, – порой раздумывал Сергей, – что, пусть и изредка, согреет как-то твою душу, да к примеру хоть, рабочий этот кабинет, твоё пристанище.

А кабинет и в самом деле был недурственный, скорее даже впечатлял. Пускай там не было музейной ценности полотен «передвижников» и антикварной, инкрустированной мебели, в те времена для главврача такое в принципе являлось просто невозможным, тем не менее! Приобретённая недорого, по случаю (не без усилий благодарного посредника, чей хрупкий бизнес заключался, может помните, как раз в решении проблем большого бизнеса), у разорившегося банка «мебельюшечка», как он подшучивал порой, могла, действительно, в известной мере облегчить его страдания. Однако более всего Сергей Геннадьевич любил картину неизвестного художника, изображавшую мустанга, дико мчавшего, в лучах багрового заката по иссушенной, горячей прерии, навстречу неизвестности. Его горящие глаза сверкали бешенством, крутая грива развевалась, а огромные, его расширенные ноздри покорителя бескрайних прерий доколумбовой Америки, казалось, яростно режут горячим пламенем. Неповторимым, благородным своим обликом, он весь сверкал невероятной и неистовой, могучей силой и свободой! Этим сказочным, необъяснимо феерическим творением, Сергей Геннадьевич был горд по-настоящему.

Она присела на диван, сложив коленочки, поджала ноги аккуратно. В этой роскоши она как будто потерялась неожиданно. Вздохнула тихо и, не зная, как начать бы ей, проговорила осторожно, тихим голосом:

– Сергей Геннадьевич, я к вам, – она замешкалась, будто раздумывая, что теперь сказать ему, – я тут по личному вопросу. Понимаете, супруг мой, Сизиков... у вас на отделении... Ведь вы же в курсе, полагаю, вы же знаете?

Сергей Геннадьевич нахмурился задумчиво, всем своим видом демонстрируя внимание, но тем не менее молчал.

– Ну вы припомните, – сказала Светка осторожным полусшёпотом, – его к вам ночью привезли, по скорой помощи, в реанимацию, – вздохнула она тягостно и посмотрела на того, казалось, ждущего, ещё чего-то от неё, чего-то большего, – Вы понимаете меня? По скорой помощи... в реанимацию доставили... Вы слышите?

– Я, Света, слышу хорошо, пока не жалуясь, – он улыбнулся: – продолжайте, я вас слушаю...

Тут Светка просто растерялась окончательно. «Он что, действительно не знает по фамилии, своих больных? Не понимаю, что за выходки? Клиента ночью привезли в реанимацию, потом сюда перевели, а это чудовище, заведующий, не в курсе? «Я вас слушаю...» Что ему надо-то, чего он добивается?»

На две минуты между жертвой и охотником повисло полное, зловещее молчание. Негромко тикали часы, вело за окнами свою беседу воронье в больничном двореке, и даже тихий звон трамвая за воротами она услышала достаточно отчетливо. И лишь ответа, вразумительной реакции, на этот простенький вопрос, как ни хотела бы, она пока не дождалась, ещё не слышала.

Сергей Геннадьевич прошёл до подоконника, раздвинул шторы. За окном, в холодной сырости, опять мело. Глядя в заснеженное марево, слегка задумался, как будто в одиночестве, и произнёс, не оборачиваясь к Светику:

– Вот так и валит целый день, так нас, наверное, по крышу скоро занесёт. Когда же лето... опять придёт? – чуть помолчал и обернулся к ней: – не отвлекайтесь, продолжайте, я вас слушаю...

«Зачем он мучает меня? Ведь сам же знает всё! – вздохнула Светка, – специально издевается?»

– Вы понимаете, ему прошедшим вечером, ну то есть ночью, стало плохо неожиданно, – она с начала повела свою историю, – я позвонила в неотложку, прямо сразу же, его отправили сюда, по скорой помощи, к пяти утра. Да я и в справочном была уже. Там говорят: в реанимацию направили, на неврологию, сюда. А здесь ответили, что он у вас теперь, на вашем отделении. Ведь я сказала же, припомните, ну Сизиков...

– Так значит Сизиков... у нас на отделении... Припоминаю, – пробубнил он ей задумчиво. – А что же, милая, вы сами не поехали? Ведь говорите, плохо стало неожиданно. В реанимацию забрали. Вы-то, Светочка, чего с ним сами-то в больницу не приехали? Вы, кстати, кем ему приходиться? Не скажете?

– Подругой, типа... – отозвалась она тягостно. – Гражданский брак, мы не расписаны, всё, знаете, никак до ЗАГСа не доехать. Не до этого. А не приехала... поймите меня правильно, они сказали, что не пустят. Отказали мне. В машину брать не захотели, понимаете?

И тут она, как наяву, почти воочию, опять увидела вчерашние события, как умоляла, как просила она старшего, поехать с ними, но они же отказали ей, едва не вышвырнув на снег! И это скользкое, это напыщенное, ушлое чудовище, ей выговаривает всё это без повода, как будто пьяни подзаборной! «Ну не сволочь ли? Ведь понимает же прекрасно! Сам же знает всё! Да издевается, конечно! Не мерзавец ли?»

– Ну что, понятно с вами всё, – слегка нахмурившись, ответил тот. – Само-собой, у нас так запросто, сюда не пустят... – и продолжил истязание. – Так, говорите вы, гражданским, не расписаны... Ну что ж, бывает, ничего, не преступление... Так значит, плохо ему стало, говорите вы... И что у вас произошло? С чего бы это он... так неожиданно попал в реанимацию? Что там случилось-то у вас, вы не расскажете?

И тут ей стало просто худо, окончательно. Больше всего её пугал вот этот именно, больной вопрос, такой опасный и мучительный. «Так что же всё-таки случилось? Что вчера у нас произошло на самом деле? В чём причина-то? Как мы до этого дошли?» – все те же горькие, те же кошмарные вопросы, так терзавшие её весь день, внезапно встали перед Светиком.

– Мне что теперь, всю нашу жизнь вам пересказывать? – она вздохнула тяжело, – во всех подробностях? Да вы поймите, человеку стало плохо вдруг, я позвонила по ноль три, они приехали и к вам в больницу повезли, – уже в отчаянии взмолилась Светка, – ну, с каким-то отравлением, – и, тихо выдохнув, добавила: – таблетками...

– Уже теплее, ближе к делу, – усмехнулся тот, – так, говорите вы, таблетками, не шутите? Ну и какими, не секрет? – приподнял брови чуть и как-то вкрадчиво добавил: – не подскажите? Я полагаю, аспирин вне подозрения? Вы что-то путаете. Знаете ли, Светочка, к нам с отравлением не возят, не по профилю. У нас тут, милая, другое учреждение...

Он сделал круг по кабинету, оглянулся к ней, она затравленно молчала.

– И какими же? – он снова задал свой вопрос, – вы говорите уж. Вы не стесняйтесь, продолжайте, я вас слушаю.

И тут, не выдержав, сломавшись окончательно, она внезапно ему всхлипнула беспомощно и потянулась за платком. Тяжёлой капелькой из-под ресницы потекла слеза отчаяния и пробежала по щеке.

– Ну полно, полно вам! Не надо плакать! Успокойтесь вы, пожалуйста! – словно очнулся вдруг Сергей. – Простите, Светочка! Не буду больше вас терзать! Не обижайтесь вы! Ну ради Бога, извините! – Наклонившись чуть, он придержал её ладошку на мгновение: – не надо так переживать! Простите, милая! Да успокойтесь вы, не плачьте вы, пожалуйста! Жив, Света, ваш Вениамин, клянусь, в порядке он! Как говорится, жив-здоров. Да перестаньте вы! Давайте лучше-ка вот этого, немножечко, – откинув крышку секретера, вынул плоскую, уже початую, хрустальную бутылочку, резную рюмку и накапал аккуратненько, на пару пальчиков, янтарной-жёлтой жидкости. Взглянул на Светика: – давайте, пару капелек. Ведь вы у нас не за рулём?

Вдохнув дурманящий, немного терпкий аромат, она, в сомнении, взглянула робко на него и озадаченно, слегка качнула головой:

– Вы что, не шутите? Не за рулём.

– Вы пейте, пейте, не отравитесь... – он добродушно усмехнулся, – как в кино у нас? Для дома, Света, для семьи... Припоминаете?

Она опасливо, чуть выдохнула в сторону, закинув голову всё выпила до доньшка; горло внезапно обожгло и прямо сразу же, от живота и к голове пошло горячее, густой волной, успокоительное марево.

– Вот и прекрасненько. Заешьте, закусите-ка, – он пододвинул ей корзиночку с конфетами: – берите, Светочка, берите! Уверю вас, вам станет лучше, уж поверьте мне, как доктору.

А Светку, правда, отпустило прямо сразу же. Не то напиток так сказался чудодейственный, не то конец её мучений этих, тягостных, хотя скорее уж известие о Веничке, что он живой, и всё в порядке, и теперь уже... ей и не надо в этих горестных подробностях тут объясняться с этим ушлым провокатором.

– А что вы, доктор, наливали? Не расскажете? – она откликнулась тому уже с иронией. – Живую воду? Признавайтесь! Или мёртвую?

«А наша девушка, похоже, с чувством юмора, – подумал он. – Ну хорошо, пока подшучивай», – и посмотрел на этикетку.

– Не пугайтесь вы, хороший виски, просто виски. Крепкой выдержки, давно проверенный бурбон. Мы, Света, знаете, тут посетителей не травим, – улыбнулся он, – таких тем более...

– Каких, вы не подскажите?

– Таких как вы, уж извините меня, Светочка, – очаровательных, – нашёлся он немедленно.

– Ага, понятно, – усмехнулась она с вызовом, – других, похоже, всё же травите, сознайтесь уж. Скажите искренне! Я помню, где-то слышала, чистосердечное признание... мне кажется, уж вы-то в курсе, полагаю, по профессии...

– Ах, Света, Света! – с театральным сожалением вздохнул в ответ Сергей Геннадьевич. – Поверьте мне, у нас такие экземпляры попадаются! Вы и представить себе этого не можете! Да отравил бы без малейшего сомнения! Как говорится, пару капель и к прабабушкам... – Он с полминуты помолчал, присел поближе к ней, но не вплотную, чтобы ей продемонстрировать: пока что, Света, между нами есть дистанция...

– Смотрите, Света, вы взгляните на минуточку, на это гордое, прекрасное животное, – он указал ей на картину, – что вы скажете? Куда он мчится? И зачем? Вы как считаете? – Он посмотрел многозначительно на Светика: – ответ, я думаю, вам ясен. Вы-то знаете! Уж вы-

то, Светочка, поймёте! Шумно выдохнув, он обошёл вокруг стола, достал из ящика резную пепельницу, девственно кристальную, тяжёлый «Zipper», «Davidoff». – Вы, кстати, курите? Курите, Света, не стесняйтесь. Вам, голубушка, сегодня можно, только в виде исключения... – он улыбнулся широко: – шучу, естественно. Курите, Света, мы проветрим. Ну и я тогда, пожалуй с вами подымлю. Не возражаете?

Она достала достала сигареты, чуть подумала и посмотрела на Сергея в ожидании:

– Не угостите огоньком?

«Слегка двусмысленно», – подумал он и щёлкнул Зиппером: – пожалуйста. – Пустил кольцо седого дыма аккуратненько, взглянул на Свету и вздохнул: «Не рановато ли?..»

– Свобода, Светочка! Свобода! Вот о чём это! – продолжил он свой монолог. – Поймите правильно, я утверждаю, лишь свободное создание, в душе свободный человек, уж вы поверьте мне, способен, Света, на поступки, на свершения! Свободный внутренне, сказал бы я, осознанно. И может всё! И всё способен контролировать, – он чуть нажал на этом месте. – Понимаете? Свою действительность, себя и все события, происходящие вокруг! Да, Света, именно! Вы не ослышались, вы правильно всё поняли! Уже одно лишь осознание реальности приводит разум к потрясающим возможностям! Хотите верьте или нет, но тем не менее, как психиатр, я настаиваю, Светочка! Именно может и способен, ну а главное, – он покачал ей головой, – умеет сам себя, свою действительность и сущность контролировать! А вслед за этим принимать свои решения. Вот вам великий парадокс самосознания! Свобода действий и контроль! Вы понимаете? Я контролирую себя, своё сознание, и оттого уже свободен! Что вы скажете? Вот это высшая ступень саморазвития! Самосознания и воли! Не находите?

– Не нахожу. Вы извините за сравнение, напоминает, – улыбнувшись сардонически, кивнула Светка, – развлечение с игрушками, из магазина для особо озабоченных, в презервативе... понимаете, наверное... Свобода в выборе партнёра и при этом же... во всём контроль. Самоконтроль, прошу прощения... – она взглянула на Сергея озабоченно: – я не задела вас? Простите! Нервы, знаете... Вы понимаете, надеюсь.

– Понимаю вас, я понимаю вас отлично, тем не менее, – вздохнул он тягостно в ответ, – уж вы простите мне, останусь всё же на своём! Ведь я не просто так, не умозрительно сказал. Поймите правильно: самоконтроль не ограничивает действия, даёт возможность принимать свои решения, самостоятельные, Света, подчеркнул бы я, а не навязанные некими подругами и иллюзорной, неподвластной нам реальностью. Тогда мы можем выбирать, и в этом случае уже не слепо, а действительно осознанно, – он затянулся и продолжил: – вы, к примеру вот, это я, Светочка, опять к вопросу выбора, вы как считаете, а правда ли вы замужем? С Вениамином вы супруги? Настоящие? Вы мне скажите откровенно, будьте искренни, сама с собой хотя бы, Света! Это тоже ведь, ваш личный выбор, вы же сами его сделали! И что такое этот ваш, так называемый, гражданский брак? Вопрос отнюдь не риторический, совсем не праздный. Я пытаюсь разобраться тут, что привело вас, я подчеркиваю, Светочка, обоих вас, к такому тяжкому, простите уж, настоль печальному исходу, в это скорбное, душеспасительное наше учреждение... Это профессия моя, поймите, милая, лечить больные наши души! Понимаете?

Конечно, вся эта пустая демагогия её порядком доняла, и тем не менее, она прекрасно понимала: не отвертись, придётся дальше ей терпеть, пока не сдуется, не нарезвится от души и не расслабится.

А он тем временем продолжил свою проповедь:

– Поймите, Светочка, для нас, для психиатров, как выражаются работники милиции, весьма существенны детали происшествия, все обстоятельства. Поймите меня правильно, как говорит, уву, печальная статистика, и это правда, вы по опыту поверьте мне, весьма суще-

ственная часть подобных личностей, вы понимаете о чём я, – он нахмурился, – свою попытку повторяет обязательно. И, как я вижу, большинство! Не абсолютное, вы не пугайтесь! Мне хотелось бы надеяться, вас это, Света, не коснётся. Тем не менее, вы только вдумайтесь, не меньше половины ведь, подобных вашему супругу, сложных личностей, свою попытку повторяет. И признаюсь вам, на этот раз уже успешно, к сожалению. Как ни печально это всё... А в чём, по-вашему, лежит причина столь больного поведения? И что приводит их к подобному, трагичному, и столь безумному исходу? Как по-вашему? Шекспир, простите уж! Вопрос тысячелетия, вы извините за невольное сравнение. И я ведь должен дать ответ, вы понимаете? С тем чтобы больше не случилось повторения! К чему иначе я бы с вами тут беседовал?! В отхожем этом, скорбном месте, извините уж! И вам, Светлана, тоже следует задуматься, над этим именно вопросом. В чём причина тут? Вы не задумывались? Нужно ваше мнение! Ведь вам же, Светочка, и нужно! Понимаете?

Он посмотрел на собеседницу внимательно, побарабанил ногтями по столешнице, поднял бутылочку опять, пытаясь, будто бы, найти ответ на этикетке; озабоченно, долго разглядывал слова и закорюечки, поставил снова и опять взглянул на Светика.

– А может дело в отношениях в супружестве? Вениамин, я полагаю ведь, до этого был адекватным человеком? Что вы скажете? Вы не пытались бы построить отношения с личностью склонной к суициду, я так думаю, вы не связали бы с ним жизнь? Ну как по-вашему? Ведь это правда, я надеюсь? Так что, Светочка, я вам советую как следует задуматься, чуть поразмыслить на досуге... Ну да ладно-то... Я вас не слишком утомил? – Он улыбнулся ей: – вы извините за излишнюю навязчивость, я не хотел бы вас обидеть. А давайте-ка, ещё по капельке, вы как? И я, пожалуй что, как говорится, за компанию, по-дружески. За всё хорошее. Вы как, не возражаете?

Она уже не возражала... Взяв бутылочку, Сергей плеснул им по глоточку, оба выпили и вновь вернулись к разговору.

– Вы не скажете, Сергей Геннадьевич, – замаявшись неуверенно, она поправилась, – Сергей (он улыбнулся ей и одобрительно кивнул), нельзя ли как-нибудь... ну я хотела бы спросить... теперь увидеться... с Вениамином...

– Что вы, Светочка, – нахмурившись, ответил тот, – пока, к большому сожалению, никак не выйдет, он же спит ещё, поймите вы, – и посмотрел на собеседницу внимательно, – а во вторых... Да не волнуйтесь, ради Бога вы! А во-вторых, ведь он под капельницей всё ещё, – и тут, увидев, как она, едва не падая, белеет прямо на глазах, чуть придержав её, сию секунду спохватился: – что вы сразу же! Да всё в порядке с ним, поверьте! Ординарные, вполне обычные у нас мероприятия. Даю вам слово психиатра! Да поверьте же! Простые меры, так сказать, предосторожности.

– Какие меры? – она выдохнула тягостно.

– Обыкновенные, Светлана, повторяю вам, восстановительные меры, только временно. Обыкновенный физраствор. Ну, понимаете? Да плюс магnezия опять же. Что вы, Светочка?! Ну что вы, милая, ей Богу, ну нельзя же так! Уже и слово не скажи! Чуть что и в обморок! И кроме этого, поймите меня правильно, у нас режим! Не я придумал. Всё свидания, все посещения в отдельном помещении. А он, вы сами, я надеюсь, понимаете, не в состоянии пока...

– Да-да. Естественно... Я понимаю, – согласилась она сразу же. – А как по-вашему, надолго он задержится? Нельзя ли как-нибудь его отсюда выписать? Ну скажем, завтра, под расписку, не получится? – она взглянула на него, – вы как считаете?

– Да что вы, Светочка! – такое предложение ему, конечно, не понравилось. Естественно: едва успели познакомиться, и на тебе! И под расписку, прямо сразу! «Нет уж, милая, – подумал он, – теперь так просто не расстанемся...»

– Да он же утром поступил! Вы что, голубушка?! В реанимацию доставили, по скорой ведь! Мы просто права не имеем! Да поймите вы! А что случись, не дай-то Бог? – вздохнул он тягостно. – Кому придётся отвечать? Простите, Светочка, пока никак, и не мечтайте, и не думайте!

– А как же быть? А мне что делать? – Светка всхлипнула. – А что я матери скажу? Ведь получается, такая дрянь, сама его и довела же ведь...

И тут Серёга растерялся окончательно. Как абсолютный идиот, да свой же собственный, буйнопомешанный клиент, смотрел он горестно – на эту, просто потрясающую женщину, со взглядом раненой собаки, изувеченной, несчастной суки под тяжёлыми колёсами, своими бедами раздавленную вдребезги, такую чистую, прекрасную и светлую, и очень странные, забытые давно уже, в нём просыпались ощущения и помыслы. «Да ну их к чёрту, – он подумал неожиданно, – мне что, своих тут не хватает, дебилоидов?»

– Ну хорошо, – ответил он, – я вот как думаю: вы завтра, Света, приезжайте, ближе к вечеру, а там посмотрим, поглядим. Уж вы поверьте мне, насильно здесь его держать, без основания, никто не станет. Мне своих тут предостаточно. Конечно выпишем, отпустим обязательно, если увидим результат. Вы понимаете? Если динамику увидим положительной, тогда отпустим под расписку, может завтра же. Не обижайтесь только, ладно? Обещаете?

– Договорились, – она выдохнула сразу же. – Не обижаюсь. Хорошо, Сергей Геннадьевич...

– Но извините уж, тогда с одним условием, – он усмехнулся ей в ответ, – вы, сами, Светочка, не надо часто, иногда, да не волнуйтесь вы, мне сами будете звонить на отделение, на мой рабочий телефон. Вы понимаете? По самочувствию больного, по динамике, как там дела у вас и прочие подробности. А через месяц, я так думаю, вы, Светочка, Вениамина привезёте мне на выписку. Вы, Света, сами привезёте, понимаете?

Она кивнула головой:

– Ну да, естественно. Я поняла вас, привезу. Я вас слышала...

– И завтра, прежде чем к нам ехать, позвоните вот, – он протянул ей позолоченную карточку, – тут и мобильный, кстати, есть, – и озабоченно, как будто думая: а может, заодно уже, вручить ей модную, сиреневую Нокию, свою особенную гордость, чуть насупился: – у вас мобильный, кстати, есть?

– Да нет пока ещё, не заработали, всё как-то не до этого, – она вздохнула тяжело.

– Да бросьте, Светочка, ещё успеете, – он радостно осклабился, – тогда звоните с городского... И не думайте, звоните, Света не стесняйтесь, всё оплачено...

И наконец-то, проведив её до выхода, он подал руку на прощанье, улыбнувшись ей:

– Всего хорошего. Я жду вас ближе к вечеру. До завтра, Светочка. Звоните. До свидания...

– Договорились, позвоню. Всего хорошего, – она кивнула главврачу.

И дверь, тяжёлая, почти космическая дверь на отделение, за ней закрылась с гулким стоном окончательно...

А он вернулся в кабинет, недолго думая, налил стопарик вискаря. «Да ну их задницу, – подумал он, – да пропади оно всё пропадом, к чему мне всё это? Придурки эти вечные, самоубийцы эти, сцены эти жуткие! И почему, ну для чего такие женщины всегда каким-то идиотам попадают?» Он опрокинул в горло виски, щёлкнул Зиппером и закурил. Раздвинул шторы аккуратненько, открыл фрамугу. «Всё, завязывай, собрался-ка! Хорош тут сопли распускать, – вздохнул он тягостно. – День ещё целый впереди. Давай, настроился...»

Пуская дым седыми струйками и кольцами, стоял он в полной тишине, а впереди его ждал целый день в закрытом этом отделении, забытом ангелами, горестном пристанище. За

занавесками, кружась и тихо падая, летел на город безразличный и бесчувственный, такой прекрасный, белый снег.

«К чему мне всё это? – вздохнул он снова, – и за что мне это бедствие?»

А Светка вышла к остановке за воротами, взяла джин-тоника в ларьке, открыла сразу же, присев под крышей остановки отхлебнула чуть и закурила. Осторожными глоточками она тянула горьковатое и колкое, как лёд холодное, обманчивое снадобье, и на душе у неё тоже, было холодно, и страшно горько и темно...

Глава пятая

Того же вечера, привычный докторский обход в психиатрическом, полузакрытом, специальном отделении огромной питерской больницы, где-то в Купчино, у психопатов начинался как положено, в шесть тридцать вечера, точь в точь по расписанию. Хотя, скорее уж, как виделось Геннадичу, и весь обход-то ерунда, формальность разве что. Три небольших совсем, на восемь «заторможенных», почти безропотных палаты; ни шизоидов, по-настоящему отвязанных на голову, ни слабоумных, повреждённых окончательно, ни отмороженных убийц. Полуразбитые, давно пришибленные бытом алкоголики и наркоманы, опустившиеся начисто, народец в общем безобидный, даже бóззный, пока на сладеньком опять не раскумарится, не оторвётся от души. «А как, скажите мне, тут оторвёшься-то, ну как тут раскумаришься? Стальные двери, пост на выходе, милиция... решётка, сетка на окне, не расшалишься тут, не оторвёшься, с пацанами не оттянешься...» И вот с такими, позитивенькими мыслями, Сергей Геннадьевич, главврач на отделении, в сопровождении дежурного помощника вошёл в последнюю и в чём-то образцовую, свою любимую палату.

Этим вечером каких-то новеньких сюрпризов от пришибленных, своих убогих, подопечных параноидов, он здесь совсем не ожидал: больных действительно, уже потерянных рассудком окончательно, на отделении не видели давно уже. Обычный, питерский, до белочки потрёпанный – алкоголизмом и своими благоверными, забитый люд из коммуналок у Литейного, у Староневского, с Васильевского, с Лиговки, со Старой Охты, да откуда их тут не было. Вот только Сизиков, вчерашний этот, новенький, очередной самоубийца в отделении, ему внушал определённые сомнения.

Его доставили с утра, в реанимацию, по неотложке, с передозой нестандартного, довольно редкого, тяжёлого снотворного и, как обычно с этой публикой случается, с изрядной долей алкоголя. Как положено, ещё на адресе товарища прочистили, вкатили сразу полкубá, как полагаётся, адреналина; здесь, скорей уже для верности, ввели обычный антидот, затем магнезию, а к десяти перевели на отделение. И вот теперь его каталка на колёсиках стояла прямо на проходе между койками; а чуть пораньше он провёл вполне душевную, хотя и с лёгким, воспитательным характером, однако очень продуктивную и нужную, довольно тёплую беседу с потрясающей, необычайной красоты, печальной женщиной, его женой, с потухшим взглядом и несчастными, почти бездонными глазами.

– Ну-с, товарищи, как говорится, наркоманы, алкоголики, всех с добрым вечером, друзья! Как настроение? – войдя в палату поздоровался он радостно. Сергей Геннадьевич шутил: такая лёгкая, чуть панибратская манера обращения с умалишёнными своими подопечными, по его мнению играла роль простейшего, своеобразного, смягчающего демпфера, и в то же время элегантным, тайным образом, словно сближала его с ними.

– Как наш новенький? Уже очнулся, я надеюсь? – он, ослабившись, шагнул поближе к его койке на колёсиках и с видом шулера уставился на Веничку: – тогда и вам, как говорится, тоже, здравствуйте! Уже проснулись? Очень рад! Ну с днём рождения! – главврач, казалось, просто светится радушием. – Как настроение? Как наше самочувствие? Надеюсь, лучше? – хохотнул он сардонически в свою пшеничную бородку. – Вижу, вижу уж. Заметно сразу, по глазам! Неплохо, батенька...

Сергей Геннадьевич лукавил, разумеется. В глазах его очередного суицидника, сказать по правде, оптимизма явно не было, и быть, конечно, не могло. А как по-вашему, какой, скажите, оптимизм, какую радость-то, могли найти бы вы во взгляде суицидника? А если вспом-

нить заодно и то пикантное, и непредвиденное вовсе обстоятельство, что человек этот сражён был просто начисто, совсем недавно, феерическим известием о пребывании в дурдоме, тут, понятно уж, любому сразу станет ясно, что ни бодрости, ни оптимизма никакого, даже слабого, в его глазах быть не могло и явно не было.

– Тогда и вам, как говорится, тоже, здравствуйте, – угрюмо буркнул он в ответ. – Куда уж лучше-то? И был-то вроде ничего. Вы не поверите, но здоровее просто некуда, мне кажется.

– Ну вот и ладненько, – расплылся тот в улыбочке. – Вот и чудесненько! Я вижу, чувство юмора к больному тоже постепенно возвращается! Не зря в народе говорят, надеюсь слышали: сон лучше всякого лекарства. Согласитесь ведь! В словах народных мудрость жизни! Не находите?

– А то, ещё бы, нахожу, – скривился Веничка. – Потом теряю, как в той песенке, не помните? Эдита Пьеха ещё пела, вы не слышали? Там тоже, вечно всё теряют в этом городе... Так и живу. Зато не скучно, понимаете?... Мудрость народная, слышали?

– Вот и славненько! – глаза того почти светились упоением, – невероятная динамика, отличная! Такими темпами полечимся как следует, а через месяц и о выписке подумаем...

Веня от радости едва не окоचурился:

– Вы что, серьёзно? Через месяц? Вы не шутите?

– А как по-вашему, мой милый? Полагаю ведь, коллеги ваши по несчастью просветили вас, где вы теперь на излечении находитесь? Ведь просветили, Константин? Не отпирайтесь вы, – он посмотрел многозначительно на Костика, – признайтесь честно, просветили? Вы-то, батенька, уж не могли не отличиться.

– Не без этого, – тот ухмыльнулся широко, – куда мы денемся? Мы завсегда, не беспокойтесь. Сами знаете, такого шанса не упустим...

– Вот и славненько, – расплылся тот ему в ответ, – и замечательно. Тогда, выходит, обойдёмся без подробностей. Будем знакомиться: главврач, завотделением, Сергей Геннадьевич. Прошу любить и жаловать. А ваше имя мне известно. Да расслабьтесь вы, лежите, друг мой, отдыхайте, мы вас вылечим. Сейчас вам требуется отдых, уж поверьте мне. Хотя бы временный покой, и всё наладится...

Такой, однако же, покой, пускай и временный, Вениamina абсолютно не устраивал. Парнишкой, вроде, он был крепким и с характером, по жизни пороха понюхал и решения уже лет десять принимал самостоятельно. Советы всяких главврачей и прочих умников ему не требовались вовсе и давно уже. Вот и от этого, крутого поворотика, вся его сущность взбунтовалась. «Погоди ещё, – подумал тут же он, – да хрена тебе лысого, ещё посмотрим, что там будет с этой выпиской, – однако вида не подал, сдержался всё-таки. – Тут на рожон-то лезть не стоит, – думал Веничка, – тут как-никак у нас дурдом. Вот отлежусь ещё, в себя приду немного, что-нибудь придумаю. Мы вроде, дядя, не в Совке, давным-давно уже. Проспал ты времечко своё, вот так-то, дяденька. Я как-никак тут не насиловал, не грабил ведь! Души не тронул, так что зря бы ты не умничал, уж как-нибудь да разберёмся с этой выпиской».

– А вы не скажете, Сергей... – он чуть задумался, совсем немного, на секунду лишь, не более, – Сергей Геннадьевич, нельзя ли нам хоть это вот, – он указал тому на виселицу с банками, – в знак наших добрых отношений, может снять уже? Уж раз динамика такая. Что вы скажете? И в туалет бы не мешало, сами знаете...

– Конечно можно, – тот кивнул уже серьёзнее. – Сказать по правде, никакой необходимости я в этом более не вижу. Вот закончу тут и санитару попрошу. Вы потерпите чуть. Распоряжусь...

«Распорядится он, придурочный... Ну что, вступительная часть уже закончена, – подумал Веня с осторожным облегчением, – заговорил как человек. Ну ладно, так уж хоть... Распорядится он... Ну дурка, натуральная...»

– И вот ещё, – добавил тот, – у нас тут, знаете, большим положено бельё. Переоденетесь, как остальные, – указал он на Костяныча и ухмыльнулся широко, – на человека хоть... похожи станете, как все на отделении. И не мешало бы нам с вами, я так думаю, поговорить тут кой о чём. Не возражаете?

На это он не возражал.

– Ну вот и ладненько, тогда я жду вас в кабинете, – он подумал чуть и подытожил, – через часик, ближе к ужину. Договорились?

– Хорошо, – ответил Веничка.

Сказать по правде, но такого он, действительно, совсем никак не ожидал, скорее всё-таки слегка храбрился. Ни малейшего желания решать хоть что-нибудь в дурдоме, с этим умником, у Вени не было, на новые свершения он был пока что не способен, не додумался. И в то же время появилась в нём неясная, почти безумная надежда на неожиданную, их задушевную беседу. «Не на чай же ведь... он пригласил меня к себе, не на полбанки ведь. Ежу понятно, будет мозги компостировать, – подумал Веня, – но с чего такая спешка-то? На завтра мог бы отложить. Куда я денусь-то? Да тут за месяц и дебилу крышу вынесешь. Немного странно это, что-то тут не сходится...»

Довольно скоро, не прошло минут пятнадцати, усатый дядька санитар со взглядом дауна, принёс зелёную пижаму, к ней просторные, чуть мешковатые штаны и здоровенные, давно ободранные тапки, типа шлёпанцев; сопя обиженно, снял капельницу с банками и отстегнул его от койки. Веня поднялся и, облачившись в одеяние шизоидов, решил пройтись, пока есть время оглядеться чуть и справить малую нужду.

На удивление, если учитывать вчерашние события, сейчас он чувствовал себя вполне уверенно, хотя подрагивали руки, не без этого, под левым локтем зрел синяк, и подозрительно саднило болью где-то в горле. «Ну да ладно-то, – подумал Веня, – ерунда, проскочит как-нибудь, бывало в жизни и похуже». И однако же, хотя бывало и похуже, тем не менее, ни разу в жизни он ещё себя не чувствовал таким раздавленным, разбитым и униженным, причём, собой же ведь, придурком, и униженным, как бы ни горько это было сознавать ему.

Он осторожно, проверяя ослабевшие, ещё опасливые ноги, вышел в сумрачный, пустой больничный коридор, прикрыл калиточку и огляделся. Коридор на отделении, как оказалось, был довольно-таки короток, из чего следовало ясно, что нелёгкая его забросила теперь в почти забытое – людьми и Господом пристанище. Поблизости виднелась дверь, за ней ещё одна, такая же, а чуть подальше – свежевывытая комната, дверь оказалась незакрытой. Незатейливой, довольно скудной обстановкой, бедной утварью, она слегка напоминала Дом Колхозника, дешёвый холл командировочной гостиницы, в провинциальном городке. Вся та же «Радуга» – на старой тумбочке в углу; всё те же самые... столы и стулья из обшарпанного пластика, всё тот же старенький диван. «Ну здесь-то ясно всё, комната отдыха, – сейчас же понял Веничка, – судя по запаху, она же и столовая». Последним шёл тот кабинет, куда, любезно так, он был недавно приглашён завотделением. На двери тускленько отсвечивала золотом табличка с надписью «Главврач». За ней, в торце уже, сидел за стойкой санитар со взглядом дауна, под низкой чёлкой вороватого фельдфебеля. Что удивительно, на Веню это чучело не обратило ни малейшего внимания.

Кроме того он обнаружил процедурную и ординаторскую, «Пыточная камера, – вздохнул он тягостно, – и келья экзекуторов...», а также дверь с табличкой беленького пластика, гласив-

шей: «комната свиданий». «Это здорово, – он усмехнулся про себя, – почти как в лагере, была бы там ещё кровать, цены бы не было! Живи и радуйся! Законное свидание...»

За ординаторской, совсем как в детском садике, с дверной картинки улыбался разукрашенный, почти мультяшный кашалот под белым зонтиком горячей пены и воды, с уже привычным тут, оскалом дауна на ярмарке шизоидов; за ней пустая и совсем уже унылая, без всяких знаков и табличек, ну а далее, уже входная дверь, сомнений в этом не было. Тяжёлым холодом металл, сержант за столиком, иллюминатор, как в подложке, тут, естественно, любой придурок догадался бы: приехали...

Из-под двери без всяких знаков ненавязчиво тянуло кислым запахом, и Веня сразу же припомнил родную курилку за сортирами. «Кто побывал, уже ни с чем не перепутает», – мелькнуло сразу в голове: слегка разбавленный – мочой и хлоркой, едкий запах омерзительных, за семь копеек сигарет, уже докуренных, до самых губ, совсем зелёными мальчишками, под Кандагаром⁶ «защищавших свою Родину». На том разведку можно было и заканчивать. Он быстро справился с насущными проблемами (опорожнился, извиняюсь за подробности) и, облегчившись наконец, недолго думая, решил попробовать удачи у Костяныча.

– Послушай, Костик, сигареткой не поделишься? Курить охота, мочи нет...

– Давай, пошли уже, – ответил тот ему с улыбкой. «Удивительно, – подумал Веня, – адекватного вполне себе, ещё живого человека, не шизоида». – Ты извини уж, я надеюсь, не побрезгуешь, мои без фильтра. Тут и это состояние, почти за счастье. С табачком у нас непросто тут...

А Веньке было всё равно, уже без разницы, без фильтра, с фильтром, затянуться бы как следует...

– Да ладно, брат, – повеселел он как-то сразу же, – а то не пробовал... Без фильтра... Помню, в армии... за семь копеек, самосад... Давай, пошли уже, хоть пацанов своих представлю на минуточку...

Едва не сразу, на глубокой и хорошенькой, второй затяжке, его резко закачало вдруг и повело, как будто пьяного на палубе; протяжным стоном в голове вдруг что-то ухнуло, он покачнулся, как-то судорожно выдохнул и машинально ухватился за Костяныча...

– Ну ты чего? – услышал он как будто издали знакомый голос, – ты чего так побледнел-то вдруг? – и, придержав его за плечи, с осторожностью, тот усадил его на маленькую лавочку: – давай-ка лучше ты присядь, хоть на минуточку, – и заглянул ему в глаза. – Чего-то, дяденька, ты тут с лица у нас сошёл, – и усмехнулся чуть: – курить-то, видно, рановато тебе, дяденька... Ты подыши пока, глядишь и оклемаешься, – он распахнул пошире узенькую форточку, – и полегчает... Не спеши, ещё накуришься... Снаружи хлынул морозёчек сизым облачком, он чуть сглотнул, набрал совсем немного воздуха, потом ещё, уже поглубже, позабористей, и посмотрел на озадаченного Костика:

– А крепковата твоя Прима, с непривычки-то. Отвык, похоже...

– Ничего... Давай, пошли уже, – тот затянулся глубоко, окурок выкинул и ухмыльнулся широко: – прилёг бы лучше ты... Ещё успеешь накуришься, соберись пока. Тебя Геннадьевич, вон, ждёт на экзекуцию...

---

⁶ Кандагар – город в южном Афганистане.

Глава шестая

За занавесками темнело, в ожидании вечерней трапезы больные потихонечку кидали карты у Костяныча на тумбочке, обитель скорби пошевеливалась нехотя своим унылым и размеренным дыханием. Он застелил свою каталку на колёсиках, прилёг опять на одеяло и задумался. Чего он мог бы ожидать от приглашения предположить было несложно, тут, естественно, совсем не требовались навыки оракула. «Сейчас начнется, – думал Веня: – поучения... мораль и нравственность, ответственность придумаем, как будто сам не понимаю, что я, маленький?» И тем не менее, беседа с этим радостным, надутым умником, давала хоть какую-то, пускай и слабую возможность как-то выяснить, чего тут ждать ему и как отсюда выбраться. Однако время его вышло, Веня поднялся, напялил тапки и побрёл на экзекуцию.

– Ну заходите, не стесняйтесь, – тот, пожалуй что (отметил Веня про себя), уже не умничал, не потешался, словно шут на представлении, кивнул на стул ему: – всего одну минуточку, пока присядьте и приступим...

Веня выдохнул, присел на стул и огляделся с осторожностью. Хозяин, занятый какими-то бумагами, приподнял взгляд и повторил:

– Ещё минуточку...

Неуловимо может быть, однако чем-то он напоминал ему продвинутого опера, в прокуратуре на допросе, или, может быть, в каком-то следственном отделе; очень ясное, шестое чувство, обострённое кошмарными, его последними событиями в бизнесе, об этом сходстве говорило ему сразу же. «Сейчас начнётся, – усмехнулся он невесело, – допрос с пристрастием и пытка электричеством...» Меж тем за скромный кабинет простого опера сия рабочая обитель психиатра (пускай и главного врача, завотделением) могла сойти лишь отдалённо. Театральные, густо-малиновые шторы; тёмным золотом – дубовый стол и секретер; блестящий холодно – паркет под бронзу и телячья кожа мебели... «Совсем неплохо для врача, – отметил Веничка, – как будто скромно, но вполне себе на уровне...» Смотрелось круто и богато, тем не менее, довольно пошло и банально, без фантазии. Однако более всего из этой скромности сразила Веничку картина, очень странная, изображающая лошадь или мерина, с осатанелыми глазами дико мчавшего, по напрочь выжженной степи, навстречу красному, багровым облаком закату. «Это надо же, – подумал Веничка, – и что они тут пыхают? Ведь не Костянов табачок?»

– Я вижу, нравится? – перехватил его вопрос Сергей Геннадьевич, – скажите, правда хороша? Вы как считаете?

Он чуть привстал и, наклонившись неуверенно, словно желая разглядеть её в подробностях, слегка прищурился, вздохнул в недоумении и посмотрел на главврача:

– А вы это о чём это? Об этой лошади? Картине? Или, может быть, о всей больнице вообще?

– Ну что вы сразу же? Вам прямо слова не скажи, – слегка нахмурившись, ответил тот. – Какой, однако же, вы, батенька, у нас колючий на язык! Ну ведь нельзя же так! У нас серьёзный разговор, а вы мне сразу же больницу вспомнили, картина вам не нравится... Причём, скажите мне на милость, тут больница-то? И где вы лошадь здесь увидели? Простите уж, но здесь же конь изображён, вы что, не поняли? Ещё кобылой бы назвали! Что вы, миленький?

Он добродушно усмехнулся:

– Мне так кажется, вы неспроста сюда попали. Впрочем, думаю, вам невдомёк... У вас, мой друг, я вижу ясные, вполне отчётливые признаки, простите уж, синдрома Фэстингера, нам уже известного, как когнитивный диссонанс, расстройство психики, и в вашем случае достаточно тяжёлое. Я полагаю, это именно, поверьте уж, и привело вас в наши стены, – с тяжким выдохом он посмотрел на озадаченного Веничку.

– Теперь ваш внутренний конфликт между реальностью и вашим собственным о ней же представлением мне совершенно очевиден. Понимаете, проблема ваша только в том и заключается, уж вы хоть в этом мне поверьте! Так-то, батенька, – он улыбнулся добродушно и приветливо, и жизнерадостно уставился на Веничку.

«Ну начинается, – подумал он, – приехали, сейчас приступим к окончательному выносу», – и пробубнил куда-то в сторону: – естественно... Конфликт, ещё бы. Диссонанс... Куда без этого?

– Зря вы на шуточки всё сразу переводите, – тут взгляд Сергея с нарочито добродушного чудесным образом сменился в укоризненный. – Ведь вы неглупый человек! Я не для юмора, не на концерт вас пригласил, а вы всё шутите...

Сергей Геннадьевич прошёл до подоконника, откинул штору и застыл в оцепенении.

– Устал я что-то, – произнёс он неожиданно в пустую темень за окном. – Денёчек, знаете, уж больно выдался, такой, не дай-то Господи... – он постоял немного в тягостном безмолвии и повернулся к собеседнику: – а знаете, супруга ваша приезжала. Вы же вроде бы, у нас женаты, как я понял? Это правда ведь?

И тут, увидев, как с недобрим удивлением тот поднимается навстречу, словно девочка, приподнял узкие ладошки неуверенно:

– Да не волнуйтесь же вы так! Да успокойтесь вы! Ну что вы все такие нервные, действительно?! С утра была она! Вы слышите? С утра ещё! А вы под капельницей были! Вы же спали ведь!

Ещё как будто сомневаясь, Венька выдохнул и, опустившись, посмотрел на собеседника.

– И что вы скажете? – спросил он недоверчиво. – Что говорит-то хоть?

– Вы знаете, мне кажется, у вас чудесная супруга, всем такую бы, – вздохнул задумчиво в ответ Сергей Геннадьевич. – Сказать по правде, мы отлично с ней поладили, – и улыбнулся: – замечательная женщина! Хотя вопросами замучила: да как же вы, как самочувствие, да можно ли увидеться?.. Мы с ней тут даже покурили, чаю выпили. Признаться честно, я вам даже, извините уж, слегка завидую. А вы ведь, – чуть замешкавшись, продолжил он, – мне доложили, тоже курите? – И следом выложил на стол, недолго думая, тяжёлый «Zipper», сигареты и хрустальную, большую пепельницу.

– Можете закуривать, – он улыбнулся широко, – да не стесняйтесь вы! Сегодня можно, мы проветрим. Ну и я тогда, пожалуй с вами подымлю тут, за компанию...

И уж чего-чего, а этого, совсем уже, он от того не ожидал. «Вот это фокусы! Вот это номер! А мужик, как выясняется, – подумал Веня, – головастый. «За компанию...» Не безнадежный...»

В удивлении приподнялся и посмотрел на главврача: вы, мол, не шутите? Тот одобительно кивнул, он щёлкнул Зиппером и затянулся глубоко. Минуты две ещё они курили в тишине, о чём-то думая, и тот продолжил наконец.

– А вы не скажете, но только честно, раз уж мы теперь по-дружески, вот так беседуем, – спросил Сергей Геннадьевич, – вы как сейчас, по самочувствию? Ну в целом-то? Только прошу вас, откровенно. Понимаете, вопрос не праздный и совсем не риторический.

В его вопросе (или в тоне, или в голосе), он вдруг почувствовал какое-то доверие и даже тень определённого сочувствия. И Веню тут же отпустило, он расслабился, вести беседу стало легче и спокойнее.

– Ну, откровенно говоря, – ответил Веничка, – ещё потряхивает, сами понимаете, но без особенных проблем, поменьше вроде бы.

– Так значит меньше, – произнёс Сергей Геннадьевич. – Вы говорите, без проблем, – вздохнул задумчиво, – ну хорошо, а голова? А сердце, как у вас? Не беспокоит?

– Вроде нет, – ответил Веничка, побарабанил по столу, – нормально вроде бы. А голова, – он усмехнулся, – да с чего бы ей? Там и болеть-то вроде нечему, давно уже. Вот горло да... Продуло, может? Грипп какой-нибудь... или инфекцию схватил?

– Я так не думаю, – ответил тот, – не в этом дело. Понимаете, ведь вам желудок промывали. Впрочем, думаю, вы и не помните. Да ладно, это, знаете, обыкновенная проблема. Зонд и прочее... Вам приготовят что-нибудь, для полоскания. Вы мне напомните потом. Сказать по правде уж, меня тревожит, и значительно серьезнее, психологическое ваше состояние.

Он на секунду замолчал, решая будто бы, ему продолжить, или нет, взглянул на Веничку, вздохнул негромко и продолжил тем не менее.

– Я, Веня, знаете, – тут он слегка поморщился, – не возражаете, надеюсь, что так просто?

– Да не вопрос, – кивнул согласно ему Веничка, – не возражаю, всё в порядке, продолжайте, мол...

– Так вот, хотел бы вам сказать, у нас тут, знаете, как бы вам верно объяснить, чтоб не обидеть вас, короче, есть одна проблемка тут, загвоздочка, мы и со Светой обсуждали, понимаете... один вопросик, небольшой, но очень значимый. Ну как по-вашему, обсудим?

– Обязательно, – ответил Веня, – мы же с вами люди взрослые. Чего тут думать-то? Обсудим, если надо так...

– Ну вот и ладненько тогда, вот это правильно! – ответил тот, – вот это речь уже не юноши! Тут, понимаете ли, Веня, я о чём сейчас: поймите верно: я не против, и Светлана ведь, супруга ваша, так просила, тем не менее, ведь мы не может взять и выписать, так просто, вчера к нам только поступившего, простите уж, суицидального больного. Понимаете? Не обижаются, надеюсь? Вы согласны ведь? Мы, как-никак, несём врачебную ответственность за наших сложных пациентов, извините уж, таких как вы. И в лучшем случае моральную... А может статья, что и вовсе уголовную. Вы понимаете, надеюсь? И гражданскую... Всё дело в том, я вам заметил бы с прискорбием, – он посмотрел на собеседника внимательно, – что по статистике, печальной к сожалению, весьма существенная часть подобных личностей свою попытку повторяет обязательно. А зачастую и успешно. Понимаете?

«К чему он клонит, не пойму? – подумал Веничка, – и в голове вдруг прокатилось: обязательно...», – а тот продолжил.

– Полагаю, вы всё поняли, а где, скажите мне тогда, у нас гарантия, что если мы, ну скажем, завтра... вы пока ещё не обольщайтесь чересчур, я для примера лишь, каким-то образом отсюда вас и выпишем, то вы вольётесь, так сказать, в единый социум, достойным членом, а не броситесь немедленно топиться в Невке, или в озере за городом? Вы это можете мне как-то гарантировать?

«Вот это да! Как всё меняется, однако же, – в который раз на этот день опешил Веничка. – Сначала месяцем пугаем, ну и на тебе! К примеру, завтра, как-нибудь возьмём и выпишем... Ну и дела у них в дурдоме! Ничего себе!»

– Да что вы, правда, – пробубнил он ошарашенно, – какая Невка? На какое ещё озеро? Я что, по-вашему, совсем уже помешанный? Да мне и так уже хватило!

– Нет, поверьте мне, я так не думаю, совсем, – ответил тот ему. – В противном случае я вряд ли пригласил бы вас. Ну хорошо, допустим так... И тем не менее, уж коль мы с вами тут беседуем по-дружески, тогда позвольте пару слов о ваших личностных, я полагаю, вы поймёте, заблуждениях. Что привело вас к столь тяжёлому решению и в эту скорбную обитель, понимаете?

Он понимал, ну не дурак же ведь, действительно. Они взглянули друг на друга и продолжили...

– Тогда давайте, для начала мы попробуем вернуться к вашему конфликту. Если помните, я говорил уже о нём. Хотел бы, знаете, пока мы вместе, разобраться поподробнее, как вообще, каким на самом деле образом, вы вдруг пришли к столь неразумному решению. Ну что, попробуем?

– О кей, – ответил Веничка, – вы только прежде объясните мне, примерно хоть, что вообще это такое? Что за штука-то? Впервые слышу о таком.

– Ну вот и ладненько, и хорошо тогда, – довольным полусшёпотом пробормотал ему Сергей, это был, собственно, его конёк и даже часть из диссертации, – ну вот и ладно. Только, вы не возражаете? Ещё одну, а вам, пожалуй, не советую. Большое горло, организм ещё ослабленный... – Достал из пачки сигарету, щёлкнул Зиппером и затянулся глубоко.

– Ну что же, слушайте. Это печальное явление в подробностях у нас впервые описал профессор Фёстингер, как состояние конфликта между видимой и нашей вымышленной, внутренней реальностью. Но это очень упрощенно, для любителя. В психиатрии применяют со студенчества довольно сложную для всех терминологию, но нам всё это ни к чему. Вы понимаете?

– Да понимаю, не дурак, – ответил Веничка...

– Мне не хотелось бы тут долго разглагольствовать, чтоб не запутать в этих дебрях окончательно, попроще как-то объясню. Начну, пожалуй что, ну с небольшого анекдота, для примера лишь, хотя вы слышали его, наверняка уже. Довольно глупого и больше для наглядности. Так вот: сидят два наркомана, тоже, кстати ведь, как понимаете, наш профиль, не без этого. Один другому говорит: «Гляди, мол, дяденька, два крокодила полетели. Ничего себе! Один зелёный а другой...» Ну как по-вашему? К примеру синий, или даже фиолетовый? А вот и нет! Другой направо. Что вы скажете? Смеяться можно? Кто-то просто ухочется. Для наркомана в самый раз, вполне естественно. Подобный юмор прямо в точку. Понимаете?

Теперь представим себе что-нибудь подобное уже в обычном, так сказать, нормальном обществе. Предполагаете ответ? Какой, по-вашему, у нас была бы тут ответная реакция на этот глупый анекдот? Вы верно мыслите, и я о том же... В адекватном окружении подобный юмор не пройдёт, в приличном обществе такое спишут на тупую и нелепую, однако шутку, идиотскую, естественно. Несоответствие реалий ожиданиям. Надеюсь, это вам понятно?

– Разумеется, – ответил Веня изумлённо, – ну а дальше-то? Причём тут этот диссонанс?

– Тогда давайте-ка, поближе к жизни что-нибудь, – вздохнул Геннадьевич, – «шерше ля фам», как говорят, ищите женщину. Допустим, вы, или какой-то нам неведомый, ну скажем, Некто, – усмехнулся он скептически, – я для примера, не о вас, поймите правильно, такое может быть у каждого, поверьте мне, и происходит очень часто: вся поэзия, литература, да вы знаете наверное, когда-то выросла из этого несложного, весьма банального примера.

Вот послушайте. Итак: какой-то, неизвестный нам до этого, условный Некто, неожиданно влюбляется. Чувство знакомое, надеюсь. А избранницей я предложил бы вашу Свету, для наглядности, так будет проще разобраться в этих тонкостях. Предположу, что поначалу вы встречаетесь... как будто вовсе невзначай и лишь по случаю, о чём-то шутите, она вам улыбается, глядит в глаза, вам это нравится, естественно, и с каждым вечером всё больше, сами знаете... И вот однажды, и для вас же неожиданно, вы провожаете её... до дома разве что, не до квартиры, в рамках такта и приличия... Вы что-то чувствуете к ней, пока симпатию, как вы считаете наивно, тем не менее, уже влюбились и пропали...

Ну а дальше что? В законах жанра всё прописано заранее, и их никто не отменял! По ходу действия, до этих пор ещё невинные свидания (для вас обоих) переходят вечер к вечеру в уже волнующие встречи, а прощание – у полутёмного подъезда этой девушки – ещё не часто, но всё чаще завершается... уже как будто не совсем рукопожатием, немного бóльшим... А итогом всего действия – поход в ближайшее кафе, и на прощание – уже и первый поцелуй, короткий может быть, однако нежный и горячий... Эта женщина для вас теперь уже близка, вы понима-

ете? И что мы с вами наблюдаем в скором времени? Как сами думаете, Веня? Как мне кажется, вы здесь опять всё очень правильно подумали! И ведь, как правило, всё так и получается! Да что я буду объяснять, вы сами знаете! Эти глаза, эти блаженные объятия, безумный секс почти в прихожей. Эти страстные, почти агонии любви...

Но вот, однако же, пройдёт совсем немного времени, два месяца, быть может три, или полгода, это, собственно, не так и важно, тут у всех уже по-разному, но ради нашей незатейливой конструкции мы этот случай упростим, слегка ускоримся. И что в итоге? Подскажу вам. Вскоре, Веничка, спустя каких-то пару месяцев всего-то лишь, и самому себе не веря, вы заметите: ваша любимая, ну как бы тут помягче-то? Ну хорошо, совсем немного избегает вас. И с каждым днём всё откровеннее и чаще всё. А вы всё так же свою Свету провожаете, всё так же возите с работы поздним вечером, вам это просто доставляет удовольствие, всё так же дарите цветы, звоните, пишете, вы уже любите её почти до коликов и совершенно это чувство не скрываете. Но, как сказал бы тут поэт: увы, всё временно, всё это тщета! Всё проходит, даже верная, казалось вечная любовь! Сия коллизия, сей горький факт давным-давно уже описаны, известны классикам, читателям и публике, и только нашему доверчивому Вертеру⁷ пока всё это невдомёк. Наш бедный юноша попал в ловушку. «Как же так? – в недоумении терзает Некто сам себя. Он пишет письма ей, она ему не отвечает, разумеется, кому нужны чужие сопли и стенания? А он в безумии ломает свою голову: ну что случилось? Ведь едва ли не вчера ещё... на этом стуле... эти стоны и объятия! А эти письма по ночам... я так соскучилась... Ужели всё в одну минуту вдруг растаяло, исчезло напрочь и пропало окончательно? Такого просто не бывает, как он думает. Он в это верить неспособен! Понимаете? Он не готов к сему печальному развитию... такой, казалось бы, счастливой предыстории. С подобным фактом примириться окончательно наш Некто просто не готов! Его измученный, несчастный мозг не хочет верить в это бедствие.

И как по-вашему, какие же последствия, какой итог мы наблюдаем в скором времени? Могу немного подсказать, хотя, мне кажется, вы сами знаете ответ, уж раз мы с вами тут об этих горестных коллизиях беседуем. Наш бедный Некто, его мозг, теперь пытается каким-то чудом разрешить сию коллизию, неразрешимую уже! И, разумеется, уже не может! И спустя немного времени себя находит в этой койке на колёсиках, вы понимаете о чём я! В лучшем случае! А в худшем, Веня, ну да что мне тут рассказывать, мы люди взрослые давно...

Вот это именно, и есть тот самый диссонанс, надеюсь поняли, возможно в самом его жёстком проявлении. И это, кстати, вы, пожалуйста, поверьте мне, довольно частые, фатальные последствия сего печально знаменитого явления.

Он посмотрел на собеседника внимательно, прошёл к окну и приоткрыл пошире форточку.

– Во всех из нас, – проговорил он, – подчеркнул бы здесь, в любом из нас живут давно уже привычные стереотипы и шаблоны, понимаете, такие штампы подсознательного уровня. Это нормально абсолютно и естественно, они для этого у нас и появляются, чтоб объективно, с точки зрения сознания, воспринимать свою реальность и действительность. И тут, в давно ему привычном окружении вдруг происходит нечто вовсе необычное, не попадающее в рамки подсознания, и, безусловно, вызывает отторжение. А иногда бывает, даже и агрессию, что тоже в общем-то понятно. И какой же здесь, в такого рода экстремальной ситуации, будет реакция, ну скажем, наркомана хоть? Да никакой! Ну разлюбила, ну и что теперь? Ну крокодилы пролетели, что нам с этого? Всё дело в том, что неустойчивая психика уже разрушенной подчас,

---

⁷ «...доверчивому Вертеру»: тут отсыл к произведению Гёте «Страдания юного Вертера».

подобной личности, воспринимать свою реальность с объективностью в буквальном смысле неспособна. Понимаете? В чём, кстати, думаю, как раз и заключается тот самый кайф в употреблении наркотиков, как говорят они – «приход». Вы не находите?

– Вполне возможно, – он кивнул ему растерянно: мол, да, согласен, я вас слушаю внимательно...

– У индивидуума, Веня, в подсознании, есть как бы некая, вполне ему удобная, картина мира, за которую он держится, такая внутренняя, тайная вселенная. Картина эта формирует в свою очередь его типичные модели поведения. От окружающего мира, соответственно, он ожидает хоть какой-то корреляции своим моделям и формациям сознания. Но если вдруг каким-то образом случается, что соответствие формациям нарушено, в нём это сразу вызывает отторжение, затем желание исправить ситуацию – любым доступным ему методом и способом, и как-то выйти из конфликта, столкновения, между тем внутренним и этим окружающим. И что вы скажете, какие тут, по-вашему, у нас возможны варианты поведения? Если представить в идеале, мы, как минимум, ломаем часть стереотипов восприятия, но происходит это всё не за неделю ведь, и не за месяц, как вы сами понимаете. На протяжении всей жизни мы меняемся, и это, видимо, и есть прямое следствие такого рода ситуаций, я назвал бы их своеобразными хребтами напряжения.

И как же это происходит? Разбираемся. В каких-то случаях, несложных, разумеется, мы соглашаемся на сделку с подсознательным, определенный компромисс. Подобным образом мы можем как-то оправдать своё согласие – с тем, что вчера ещё казалось неприемлимым, – для нас самих же благовидными причинами, хотя, возможно и реальными, действительно. Простой пример: моя супруга настоятельно зовёт меня куда-нибудь, куда мне вовсе уж идти не хочется, я занят этим вечером, там соберётся незнакомая компания, ну и так далее. Обычная история... Она всё это понимает, тем не менее стоит упорно на своём. С любимой ссориться? Себе дороже, понимаете наверное. Она расстроится, обидится, естественно, мне это вовсе ни к чему. В подобном случае придётся всё же уступить. Куда же денешься? Я и как будто на коне, не отказал же ведь, да и с меня ведь не убудет, перетерпится... Вполне разумный вариант. Вам так не кажется? Определённый компромисс, не с ней, естественно, она осталась на своём, слегка нагнув меня, однако я договорился с подсознательным и отношений не испортил. Что вы скажете? Она меня переиграла в этом случае. Мы забываем, что отстаивать позицию, хотя порой и тяжело, однако правильно. Вы снова скажете, а где же изменения, причём тут этот диссонанс? Так я отвечу вам: на этом именно моменте напряжения и происходит изменение формации, пока всего лишь начинается, естественно; мы совершаем неприемлимое действие и соглашаемся на слабую позицию. Нам с этим легче. Чем не выход? Понимаете? Хотя, возможно и не лучший. Ведь со временем огонь любви её тускнеет, а вопросы же, противоречия в подобных отношениях, растут почти как снежный ком, да сами знаете... К чему вам это объяснить? В противном случае мы здесь бы с вами не сидели, не общались бы... А завершаются такие отношения уходом женщины, и здесь нам, разумеется, опять приходится менять свои формации. Всё тот же самый диссонанс. Надеюсь, поняли? И это в лучшем, Веня, случае! А в худшем же... я вам сейчас не расскажу, нам это незачем. Я здесь такого навиделся, не поверите.

А вот ещё один пример, и тоже простенький. Крылова помните? Читали ведь, наверное? Стоит лисица под лозой на винограднике, но до лозы ей не достать, а очень хочется. И виноград как будто рядом... Что ей делать-то? Она растеряна, она в недоумении. Ей остаётся убедить себя хоть как-нибудь, что виноград ещё зеленый, ей не нравится и вяжет рот. Она идёт, вы понимаете, на тот же самый компромисс, со своим внутренним, ей надо как-то оправдать своё бессилие. Бывает так: неисполнимое желание в конце концов ведёт к потере мотивации,

и вслед за этим мы находим обстоятельства, нам позволяющие просто игнорировать... своё, увы, неисполнимое желание.

Но иногда у нас встречается, поверьте мне, отнюдь не редкий вариант, уже нешуточный. Невосприятие жестокой и мучительной, не соответствующей нашим представлениям об этом мире, окружающей реальности, может заставить нас замкнуться окончательно и даже выйти из реальности, совсем уже, или, возможно, силовым каким-то методом реальность эту изменить, уж как получится. Мне лично кажется, что мир преступных личностей, от мелких жуликов и вбóров, до отвязанных, пробитых начисто преступников и гангстеров, самоубийц я посчитал бы с ними тоже тут, как раз и входит в это жуткое соцветие, огромный список и виновных и невинных ведь, безумных жертв сего печального явления. Тот самый Некто, наш герой, не видя выхода, – из этой тяжкой, тупиковой ситуации, не понимает, как исправить, примирить ему, сию жестокою, конфликтную обыденность, с его моделью справедливости и честности. И начинает мир менять, по своим собственным стереотипам и мерилам справедливости, и в своей личной, изувеченной реальности. Кладёт за пояс пистолет, а то, для верности, и автомат везёт, под ковриком в багажнике, и уже думает, что он тут вместо Господа. Или, не в силах повлиять на обстоятельства и изменить хоть что-нибудь в его реальности, лишает жизни сам себя, не долго думая. Или пытается, как в вашем, Веня, случае...

Сергей Геннадьевич вздохнул, взглянул на Веничку, взяв сигареты со стола и щёлкнул Зиппером.

– Проблема наша только в том и заключается, что мы меняем только мнимую, условную, лишь эфемерную реальность и действительность, вы понимаете меня? А настоящую, увы, не в силах изменить, не в состоянии. Смотрели «Матрицу», надеюсь? Вы припомните...

Если, конечно, вообще мы допустили бы, что таковая существует. Я так думаю, она не так уж объективна, как нам кажется, и существует абсолютно умозрительно и независимо от нас.

Он шумно выдохнул и посмотрел на озадаченного Веничку.

– Мне лично кажется, реальности действительной, одной для всех картины мира, извините уж, не существует, не бывает даже в принципе. Всё это только, попытаюсь объяснить сейчас, всего лишь видимая часть большого айсберга, всё тот же плод привычных штампов и сценариев, что существуют в подсознании у личности.

Мы создаём себе, заметьте, Веня, сами же, некую собственную, мнимую действительность, причём у каждого из нас, как нам же кажется, она реальная, хотя для всех своя уже. И повлиять на чью-то мы не в состоянии уже по той, вполне понятной и естественной, простой причине, что реальность эта мнимая живёт не в нашей голове. Пример? Пожалуйста... У нас есть женщина, реальная; нам кажется, что эту женщину мы знаем наизусть уже, едва не вдоль и поперёк, мы отдыхаем с ней, играем в мячик в фитнес клубе, ездим в Грецию, а может в Англию, сейчас не это главное, мы занимаемся любовью с ней... Естественно, это и есть для нас реальность, настоящая, и мы считаем, что теперь мы в состоянии на эту женщину влиять. А эта женщина, хотя мы этого не знаем, разумеется, уже встречается с другим каким-то Веничкой, или Валерой, или Вовой, или Вадиком! Вы успокойтесь только, речь же не о вас теперь... ну хорошо, с каким-то Некто. Так устроит вас?

И Веня выдохнул:

– Устроит...

– Ну вот и ладненько, – кивнул Сергей ему в ответ, – вы дальше слушайте. Итак, встречается реальная та женщина не только с вами, а с каким-то неизвестным вам, условным Некто, занимается любовью с ним, а вам рассказывает очень убедительно свои легенды и замшелые истории о потрясающих премьерах, представлениях и театральных вечерах. А вы ей верите, ведь вы хотите доверять любимой женщине. Ведь это правда, вы хотите?

– Ну естественно, – ответил Веничка, хочу...

– Вот это правильно, – вздохнул Сергей, – любовь не терпит недоверия. Ведь мы не знаем, может быть и нет ни Вадика, и ни таинственного Некто, может вечером она встречается с хорошими подругам и выпивает с ними что-нибудь по-капельке, они беседуют о жизни и о собственной, я вам замечу, неизвестной нам реальности, в которой, кстати, они тоже ошибаются!

Он затаился, посмотрел на собеседника:

– Я вас не очень утомил? Увлёкся, кажется...

– А что, и правда, интересная теория, – кивнул согласно он в ответ, – хотя, мне кажется, и сложноватая слегка. А впрочем, знаете, ведь я совсем не разбираюсь в психологии.

– Ну хорошо, – продолжил тот, – теперь скажите мне, и что же есть тогда реальность, как по-вашему? – И что тогда в так называемой реальности мы с вами можем изменить? И я отвечу вам: как будто вовсе ничего, как показалось бы. И в то же время, Веня, всё! Сейчас вы скажете, а где же логика, совсем уже приехали... И в самом деле, парадокс, вам так не кажется? И тем не менее, настаиваю, батенька: и сразу всё и ничего, с одной лишь разницей. Мы либо бьёмся в стену лбом за эту женщину и навсегда её теряем, ну а далее, уже и эту, нереальную действительность, либо нам следует смириться с неизбежностью и просто жить! И очень скоро, вы поверьте мне, ваша реальность обязательно изменится, причём помимо нашей воли, как ни странно уж, лишь от принятия, а может непринятия, подобных жизненных коллизий. Сами думайте! Решайте сами, здесь помочь вам, к сожалению, не в состоянии никто! Мне лично кажется, в подобных ваших ситуациях, поверьте мне, только такие варианты и работают. Задача ваша только в том и заключается, чтобы хоть как-то сохранить ваш, Веня, личностный, душевный мир, живите этим днём, сегодняшним, пока примите всё как есть, и в этом случае ваша реальность обязательно изменится, в полной гармонии с возможным вашим выбором.

Он посмотрел на ошарашенного Веничку:

– Вы поразмыслите над этим, я советую... И на сегодня, я так думаю, достаточно... А завтра будет новый день, ещё подумаем. Не возражаете?

– Да что же возражать-то тут? – ответил Веня, – обязательно подумаю.

– И не вступайте, я прошу вас настоятельно, в особо тесные контакты с этой публикой, в своей палате, я прошу! Поймите правильно, вы может быть уже на днях отсюда выйдете, а сколько им здесь кантоваться, извините уж, даже и Богу неизвестно! Обещаете?

– Да-да, конечно! Обещаю, разумеется, – ответил Веничка, – да мне уже и незачем... Уж раз вы сами говорите, завтра может быть...

– Да погодите вы пока, не обольщайтесь так, – сказал Сергей ему немного укоризненно, – мы завтра только поглядим, а там подумаем. Вы, Веня, слишком не спешите! Тут и мне ещё... пока не ясно ничего! Ещё подумаем...

На этой странной, не вполне понятной формуле, их разговор казался вроде бы законченным. Сергей Геннадьевич прошёлся к подоконнику, открыл фрамугу.

– А теперь идите ужинать. Я слышал, курица сегодня, с макаронами. Вам подкрепиться не мешает, я так думаю. И ваше горло полоскайте, обязательно...

Почти полночи он крутился и ворочался в каком-то зыбком полусне, ломая голову и вспоминая нереальное реальное. Сопели шизики уныло и размеренно, негромко тикали часы, уже за окнами зашелестели одинокие автобусы, и лишь на этом он забылся окончательно, под мерный храп и бормотание шизоидов...

Глава седьмая

Под утро Веничке явилось очень странное, весьма загадочного свойства сновидение. В необычайном, новом мире он был лошадью, не быстроногим скакуном – ещё нахрапистым, скорее старым и как следует потрёпанным, уже пожившим лошаком, усталым меринком, из тех, о ком ещё подшучивают ласково, что глубоко уже не вспашет, тем не менее, на переправе не меняют. «Да уж видели! Меняют, Веничка, да как ещё меняют ведь!» – мелькнуло сразу в голове. На длинной привязи он мирно пасся на цветущем и некошенном, большом лугу, с опушки леса. Понемножечку, неспешным шагом обходя свои владения, он подрывал густую зелень с осторожностью, губами труженика, старого и мудрого, чутко выискивая мягкие и сладкие цветочки кашки и, минуя пусть и нежные, однако густо и обманчиво пьянящие, золотоглавые кружочки мать-и-мачехи. Вокруг царил тишина, и в этом образе он ощущал себя спокойной и уверенно.

Немного поодаль, в полнейшем одиночестве, паслась свободно золотистая и стройная, светло-гнедая кобылица; где-то он её уже встречал, подумал Веня неуверенно. Время от времени, похрапывая нбздрыми, она лениво отгоняла надоедливых, жужжащих мух и мошкарку. В горячем мареве, в отлив солнца на полуденном безветрии, пшеничным колосом играла её светлая, густая грива, а от огненного, звонкого, уже готового нести, как печь горячего, её нетронутого лона, показалось бы, струился тихо мягкий свет. Размерной поступью, бесшумным шагом, чуть покачивая бёдрами, она неспешно подходила ближе к Веничке. Он поднял голову навстречу неуверенно: «Какая стройная, красивая, ну надо же...» И тут же ангелы, откуда они взялись-то, пропели тихо где-то рядом:

– Глянь-ка, Веничка! А одинокая какая!!! И печальная...

«Ах, мои ангелы, вы ангелы небесные, – с неясной грустью он ответил им растерянно, – куда зовёте вы меня, куда так маните? На чью беду, на чью гибель? Вы же знаете, такие просто не бывают одинокими. Такое просто невозможно! Что вы, ангелы? Такого чуда в этом мире не случается!»

– Бывает, Веничка, – в загадочном мерцании, хрустальным звоном отозвались ему ангелы. – Ещё как могут, мы-то знаем, ты поверь уж нам! Уж нам-то сверху всё виднее, верь нам Веничка...

И вслед за этими словами вдруг растаяли, исчезли тут же в голубом, звенящем мареве.

Ну ведь не мог он возражать небесным ангелам?! Осталось только согласиться. «Что поделаешь, ну пропадать, так пропадать, – подумал Веничка, – да хоть и меринком, теперь уже без разницы...» И, окончательно отбросив все сомнения, шагнул навстречу ей, как в бездну окающую, во влажноватую траву чужого берега...

– Ну как, по вкусу наша травка? Что вы скажете? – с призывным храпом игогокнул он негромко ей. – Скажи, ну правда хороша? Он чуть замешкался, – а ничего, что я на ты? Без приглашения? Вот так вот, сразу же...

О, ангелы небесные! Ах, если только бы вы знали! Если знали бы! Ах, эта тоненькая спинка! Этот девичий, прелестный стан, копытца эти остроногие, на невысоких каблучках... Такой волнующий, такой подобранный животик! Чёлка белая! Ресницы эти, обгоревшие в соломинки! А этот хвост! О, мои ангелы небесные! Ах если только бы вы знали! Знали только бы! О эти муки, о вершины наслаждения!

Она неспешно подошла поближе к Веничке и усмехнулась:

– Are you puffing?

«Ну и шуточки!» – подумал Веня. Он бывал когда-то в Индии и сразу понял сей намёк её бестактного, хотя и верного вопроса. Тем не менее, был озадачен и смущён подобной дерзостью. Так, «Are you puffing?», следом hash и всевозможные... marijuana, anasha, ну и так далее, почти дословно означает: «А ты пыхаешь? Вы травку курите?»

Понятно, с ними в Индии бывало всякое... и всё же... этой выходкой, своим вопросом она Веню озадачила. Слегка растерянно он поднял свою голову, но глупость ляпнуть, как ни странно, не успел уже. Она качнула головой, встряхнула чёлочкой и прошептала:

– I am kidding, – пошутила, мол, и усмехнулась: – be my guest...⁸ – ты не стесняйся, мол! Давай, мол, buddy, подключайся, не отравишься...

Проснулся он довольно поздно, в романтическом, ещё приподнятом немного настроении. Как оказалось, побывать на месте лошади не так и плохо (лишь по той, вполне понятной нам, простой причине, что во сне, а не в реальности). В реальном мире было всё уже печальнее: стальная сетка и решётка за окошками, пока он спал в тумане точно не растаяли, не испарились, как ни странно. «Да, действительно, – подумал Веничка, – картина безотрадная...» – Ни свежей травкой, ни какой либо романтикой тут и не пахло абсолютно, и поблизости. И даже пусть столь неожиданно возникшая, вполне реальная угроза задержаться тут – на нереально долгий срок, каким-то чудом лишь, столь же внезапно отступила неожиданно, что вызывало оптимизм, без сомнения, в душе у Вени стало вновь темно и гадостно, за то, что сам и натворил. «И что мне делать-то? Как посмотреть в её глаза, как объясняться-то?» Даже представить, что он скажет своей женщине, он был пока не состоянии, совсем ещё...

Меж тем палата оживала потихонечку больничным бытом своим, тихим и размеренным, больные муторно плескались в умывальниках и, перекидываясь шутками вполголоса, перемещались понемножечку в столовую. Стрельнув по случаю чуть пасты у Костяныча, он попоходному почистил зубы пальцами, надел пижаму и побрёл за сумасшедшими. Народ рассаживался медленно по столикам, негромко булькал самовар у телевизора; густой и мокрый снегопад к утру закончился, рассвет был ясным и по-зимнему приветливым. И в подтверждение тому седые стрелочки, пробив дорожки в занавесках между щёлками, покрыли золотом в тяжёлом, спёртом воздухе, едва заметные пылинки. Бодрым голосом какой-то умник из экрана телевизора вещал занудно о последних достижениях и потрясающих общественных новациях. «Забавно даже, – усмехнулся он невесело: – самоубийцы отдыхают, клуб шизоидов...»

Довольно скоро дверь открылась с тихим шелестом и санитар вкатил в больничную столовую тележку-стол на резиновых колёсиках, с кастрюлей каши и тарелкой, полной мельничих, вкрутую сваренных яиц, а также стопочкой – тюремных с виду – алюминиевых мисочек. Увидев место за столом, ещё свободное, он посмотрел на остальных:

– Не возражаете?

Ему никто не возражал: что удивительно, настолько двинутых в дурдоме ещё не было.

Для дурки завтрак оказался, к удивлению, вполне приличным и достаточно питательным, наевшись каши от души под хлебец с маслицем и свежесваренных яиц, больные нехотя, неспешным ходом расходились: вскоре близился дежурный, утренний обход – по расписанию, и телевизор отключили до двенадцати.

Он застелил свою каталку аккуратненько, прикрыв глаза улёгся набок и задумался. Сказать по совести, вчера Сергей Геннадьевич своих намерений добился: он и сам уже теперь хотел поковыряться в своей памяти, пока есть время поразмыслить основательно об отношениях с

---

⁸ I'm kidding – я шучу. Be my guest – угощайся. Buddy – друг, приятель (англ.)

любимой своей женщиной, понять хоть как-то, как дошли они до этого и как теперь из этой ямы выбираться им...

Однако с мыслями собраться, к сожалению, он этим утром не успел, как ни хотелось бы. Довольно скоро дверь открылась с тихим шорохом, и под присмотром санитар-идиотины вошло какое-то неведомое чудище: халат кристальной белизны, с тупой улыбочкой, такой же бодрый нарочито, как Геннадьевич, очки тяжёлыми, казалось и не линзами – аквалангическими, круглыми моноклями, и тоже с пегой бородой, как у Геннадича, произраставшей, – он подумал в изумлении, – в буквальном смысле из ушей. «А это кто ещё? Ну Лев Толстой какой-то, в белом одеянии, – он изумился про себя, – а где Геннадьевич? Куда он делся-то сегодня? Что за новости?..»

Толстой в халате медицинского работника, слегка жонглируя загадочными фразами, прошёлся скоренько по кругу между койками, всем уделил минуты по две, и не более, и завершил обход у Вениной каталочки.

– Ну как здоровье? – пробасил он низким голосом куда-то вглубь своих могучих, пегих зарослей. – Как самочувствие, как наше настроение?

– Уже получше, – он ответил ему радостно, – уже в порядке, – но однако же задумался: «Может не стоит так бодриться с этим умником? Ещё решит, что нарываюсь раньше времени. Что там у этого придурка на уме ещё...», – и, ухмыльнувшись, тем не менее не выдержал: – куда уж лучше, здоровее просто некуда!

– Да я уж вижу! – тот поправил свою оптику и с видом дауна уставился на Веничку. – Сергей Геннадьевич с утра уже докладывал. У вас, голубчик мой, сказал бы я, действительно, вполне приличная, успешная динамика. Такими темпами, глядишь, ещё полечимся, а через месяц и выписке подумаем...

«И кто у нас тут идиот? – подумал Веничка, – вот это номер! Это что ещё за фокусы?! Опять динамика у них. Они чего уже? У них чего тут, день сурка? И этот с месяцем... Что вообще это за чёрт? Откуда взялся-то?»

– Да вы постойте, как же так? – уже растерянно, не понимая ничего, промямлил тихо он. – Сергей Геннадьевич вчера пообещал же ведь. Ну говорил же, что динамика хорошая, так может даже и сегодня, мы подумаем...

Закончить Веня не успел...

– Сергей Геннадича, – на полуслове оборвав его мычание, ответил тот ему с ухмылкой параноида, – сегодня, милый мой, не будет, к сожалению... Так что извольте-ка пока, я вам советую, любить и жаловать меня! Не возражаете? А уж как он на отделении появится, пусть и решает. Он у вас заведованием, главврач опять же, это вотчина, голубчик мой, Сергей Геннадьевича, знаете наверное, а я всего лишь замещаю, только временно. Договорились, я надеюсь? – с подозрением, будто выискивая искру помешательства, он просверлил ему глаза своими линзами, однако, судя по досадливому выдоху, так ничего и не нашёл.

«Ну что поделаешь...» – подумал Веня и вздохнул ему растерянно:

– Договорились, хорошо...

– Ну вот и ладненько, вот и чудесно, – тот обрадовался сразу же, – тогда, наверное, знакомьтесь, обживайтесь тут, каких-то новых процедур вам не назначено, вот только душ пока примите, я советую. И отдохайте... – улыбнувшись на прощание, он посмотрел на озадаченного Веничку.

«Дурдом какой-то, в самом деле, – тяжело выдохнув, подумал Веня. – Отдыхайте, я советую... Приехал, дядя, ты, похоже...» – Столь загадочным, таким внезапным поворотом он, действительно, был озадачен и встревожен. Без Геннадича... его внезапные надежды просто таяли, свобода снова ускользала неожиданно.

Часть вторая

Глава восьмая

В свою квартиру, опустевшую безвременно, охолостевшую внезапно без хозяина, она вернулась из больницы только затемно, глубоким вечером. До клуба, разумеется, она доехать не смогла: какие танцы-то, не до работы, – говорила себе Светочка, – после рюмахи вискаря и джина с тоником, на нервяке на этом, стрессе этом бешеном. Своей работой занимаясь много лет уже, она действительно любила её искренне и относилась к ней серьёзно, тем не менее, работать в этом, безнадёжном состоянии, сегодня просто не могла.

Трудилась Светочка в спортивном клубе, небольшом, на Юго-Западе, вела балет – хореографию для девочек, а также танцы: всё от вальса с рок-н-роллами, до сальсы с танго, и в то время ещё модную, едва не вечную ламбаду, из известной всем, так называемой, бразильской «мыльной оперы». На танцы Светочка «подседала» ещё в юности, и танцевала если даже не с рождения, то всю сознательную жизнь, казалось ей теперь: на вечеринках после школы, на рождественском и выпускном её балу, повсюду Светика сопровождали откровенно восхищённые, мужские чаще, но случалось, что и женские, уже завистливые взгляды. Тем не менее, каким-то чудом и совсем по-настоящему она попала в этот спорт уже не девочкой, в девятом классе, а до этого события (хотя всё это вспоминать ей и не нравилось) сумела также отличиться и в гимнастике, но не в художественной – с обручем и лентами, в спортивной, сложной и лихой по-настоящему.

Совсем малышкой, поначалу первоклашкой, сначала с бабушкой, а позже и сама уже, она ходила вечерами на Аптекарский, в спортивный комплекс, полюбившийся ей сразу же зал олимпийского резерва по гимнастике, о чём (со скрытой может быть, однако гордостью, порой рассказывалось тихим полусёпотом гостям и родственникам Светкиных родителей, на дни семейных посиделок и по праздникам.

Весь мир в те годы с неподдельным восхищением следил за ярким и негласным состязанием великолепной и загадочной Турищевой, и Ольги Корбут – гимнастической любимицы, сразившей враз и наповал – и телезрителей, и всю планету – виртуозным исполнением своей «петли» и откровенно восхитительной, улыбкой милой и простой, советской девочки. По вечерам, включая кнопку телевизора, наш телезритель находил, не долго думая: хоккеем с канадцами, фигурное катание, родной спартаковский футбол, искал гимнастику... и, не найдя, переключал разочарованно – либо на Штирлица – в «Семнадцати мгновениях», либо на вечно молодого Сенкевича, в привычном образе единственного в общем-то, на всю огромную державу, покорителя ещё неведомых саванн горячей Африки и диких джунглей неизвестной Амазонии.

В итоге выбора какого-то, серьёзного, у мамы с папой невысокой этой девочки тогда и не было. К тому же на Аптекарском открылся новый, современный зал гимнастики, и вот однажды, на семейном совещании, они решили: «Всё, идём!», и как-то вечером мама взяла под белы ручки свою доченьку, и вскоре Светочка нашла себя зачисленной в спортивной секции «Зенита», по гимнастике...

Эти занятия ей как-то неожиданно, безоговорочно и сразу же понравились, она как будто рождена была гимнасточкой: такая стройная, с хорошенькими ножками, изящной спиночкой и, может быть и тонкими, однако крепкими руками. В этой секции, среди таких же малолеток,

первоклашек, она освоилась легко и в скором времени себя здесь чувствовала даже поуверенней, чем на уроках, где по первости, как водится, совсем немного потерялась после садика.

Почти мальчишка, её тренер, в этих девочках, казалось ей, души не чаял, да и девочки, понятно сразу, отвечали ему этим же. Ни его облика, ни имени, ни отчества она не помнила уже, остались только лишь... неясный образ, и всё дальше уходящая фигура даже без лица, казалось ей теперь, в костюме с надписью «Зенит» и впечатляющим, большим квадратом «мастер спорта», так загадочно, непостижимо привлекающим внимание. Теперь она, и то с трудом, припоминала лишь... негромкий голос этот, мягкий и уверенный, слегка насмешливые, добрые глаза его и эти руки, что держали так уверенно – её за плечи и под тоненькую спиночку, – когда она тренировала свои первые... хотя и смутно, это Светка ещё помнила: перевороты бесконечные и стойки, а также сальто с огромной автокамеры – в большую яму за прыжковыми дорожками⁹.

Уже привычные для Светика занятия не шли, летели, без забот, без напряжения, всё ей давалось прямо слёту, прямо сразу же, без подготовки, без ненужных и предательских, малейших страхов и сомнений. В скором времени, прошло каких-то пару месяцев, не более, она садилась на шпагаты под линейку, в наклоне плотно обнимала свои стройные, слегка изогнутые ножки под коленками, и научилась понемногу, но уверенно, из шаткой стойки на руках вставать на мостики. Ей жутко нравилось короткими шажочками, с носка вышагивать по страшному пока ещё, совсем не детскому бревну, не глядя под ноги, а развороты на носке, в коварной ласточке, пока на низеньком, любимом её брёвнышке, стали для Светика коронным упражнением.

Как показалось бы, сначала бесконечные, такие сложные подъёмы эти, стойки – на женских брусках, для неё же неожиданно, но очень скоро, как-то сами по себе уже, переросли и в небольшую комбинацию.

– Отмах и в стойку, Светик, в стойку, поехали! Носочки вытянем, животик не вываливать! – слегка придерживая Светика за плечики, ей приговаривал наставник на занятиях, теперь всё чаще добавляя: – наша умничка! Отлично, Светик, так и держимся, работаем!

И эти стойки и отмахи, эти умнички, и это громкое «Отлично», с каждым вечером обоим нравилось всё больше; это всё она, спустя уже так много лет, прекрасно помнила...

Так, незаметно для неё, летели месяцы, к весне их группа с этой кучи малолеточек, сама собой, мало-помалу как-то съёжилась – до семерых лишь, самых дерзких и отчаянных, упорных самых и настойчивых оторвочек, среди которых наша маленькая Светочка была уж если и не первой из отчаянных (что тоже очень вероятно, как мне кажется), то самой стойкой и упорной, это точно уж. А ближе к маю, накануне майских праздников, вслед за молоденькими, клейкими листочками – на древних липах и раскидистых акациях, пришло и первое большое достижение. И для себя самой нежданно и негаданно малышка эта оказалась победителем таких же точно как она, ещё неопытных, совсем зелёных, малолетних шпингалеточек, и, кстати, выполнила Первый, прямо сразу же, хотя и юношеский, пусть, но тем не менее, уже и первый свой разряд, в весеннем первенстве уже родного ей Зенита, среди девочек! По окончании двух дней соревнования, ей под овацию родителей и публики вручили грамоту и маленький будильничек, в цветной коробке с вензельком и пожеланием: «Больших побед и достижений победителю!» Для семилетнего, растерянного Светика, уже и это было явным достижением...

---

⁹ В большую яму за прыжковыми дорожками: имеются в виду мягкие поролоновые ямы под высокими снарядами и за дорожкой для прыжков, какие обычно бывают в залах гимнастики.

А за весной, уж как природой и положено, настало лето, и в законные владения вступил июнь; отшелестел сусальным золотом – конфет и сладостей, под хиханьки и хаханьки, прощальный вечер уже бывших первоклашек в её «А» классе, и теперь, до сентября уже, всех разобрали по домам. Одних родители везли на дачу, под заботливое крылышко и под приглядку своих дедушек и бабушек, других сдавали в лагерь (вы не подумайте, не исправительные, только пионерские). Свой первый класс она прошла почти с отличием, и аккуратных пятёрок, чем-то Светику напоминающих задумчивых лебёдушек, в её оценках оказалось и поболее, чем аскетических четвёрок, троек не было. Уроки в школе, как и вся её гимнастика, давались Светке без большого напряжения.

На дачу к бабушке и в лагерь с пионерами её родители тем летом не отправили. Через неделю с небольшим она с девочками впервые встала по звонку в спортивном лагере, в большом посёлке Толмачёво, где-то в области, на речке Каменка под Лугой.

Эту жизнь её, в далёком том, её спортивном, первом лагере, она, конечно, толком даже и не помнила. От этих дней, таких безоблачных, казалось бы, как и от тренера того, её любимого, остались разве что, неясными обрывками, одни вершки и корешки, почти случайные, и ощущением далёкой, детской радости, картинкой трудного, но радостного лагеря.

Цветными вспышками, мелькая, тихо таяли минуты шумной и кипучей жизни девочки, на берегу прохладной речки – быстрой Каменки; она запомнила отлично каменистый, песчаный пляж на берегу, фигурки крепкие, эту колючую траву, что так обманчиво, но так приятно ей покалывала пальчики, фонтаны брызг из-под ладошек, лица девочек: всё это солнечным, магическим видением, запечатлелось в её цепкой, детской памяти. Сама не зная для чего, она запомнила упругой ленточкой дорожку акробатики, и эти брусья между сосен, эти бревнышки, лесные тропки, где всей группой они бегали на физзарядку по утрам, хотя теперь уже... и тренировки, и пробежки эти долгие из её памяти исчезли окончательно, уже как лишние детали и подробности.

И эти танцы в полумраке, в тесном зальчике, по воскресеньям, вечерами. Поразительным, таким таинственным, тревожным и загадочным, таким отчётливым видением, навсегда уже, запечатлелись они в детской её памяти, и эта музыка, и иной этот, синий весь, и эта синяя звезда...

...А-а-а, а, в, небе тёмно-си-и-инем...

Ей вспоминалась эта, вроде немудрёная, но так волнующая душу её песенка, и над глазами поднимались тёмно-синие, что-то поющие в холодном одиночестве – ночному небу провода, сверкая инеем, под первой, утренней звездой, в печальном сумраке, и Светке тоже становилось и печально вдруг, и беспокойно на душе.

До сей поры ещё прекрасно помнила она, хотя теперь уже, сама, наверное, и толком не сказала бы, когда же было это, в первом её лагере, а может быть и во втором, да и неважно ведь, казалось ей, какая в самом деле разница, ведь это было, было это выступление, на общелагерном концерте для родителей, когда, поняв уже отчётливо и ясно вдруг, что отступить теперь ей вроде бы и некуда, бледнея личиком под глупое хихиканье, с таким же худеньким и бледным пятиклассником, она читала ошарашенным родителям большой отрывок из Шекспира, как ни странно уж, его «Ромео и Джульетты» поразительной, и как ей хлопали потом, как сумасшедшие, и как она, переминаясь с ноги на ногу, сияла вся и улыбалась после этого – своим родителям, и тренерам, и девочкам, пока сама ещё не веря окончательно, что так ни разу и не сбилась, не поправилась...

«Вот уж действительно, – теперь казалось Светику, – куда уж дальше, очень детская поэзия...»

Эта безумная, да просто полоумная, идея с лирикой Шекспира (а не нашего, родного детям и понятного Чуковского) принадлежала пианистке, как ни странно уж, какие есть обычно в секциях гимнастики, ещё довольно молодой и милой женщине, с невероятным темпераментом задумчивой, сырой улитки после утреннего дождика. Как вообще могло прийти кому-то в голову настоль абсурдное в те годы предложение, являлось подлинной загадкой. В нашем лагере, в СССР, ещё малышке, второклашечке, и поручить читать подобную поэзию! И тем не менее успех был просто бешеный! Народ буквально содрогался в изумлении! Однако главное, и маленькая Светочка была сама потрясена таким событием до глубины своей души, буквально сразу же, и, как надеюсь я, впоследствии мы выясним, уже надолго и всерьёз, по настоящему...

Так, понемногу, день за днём и вечер к вечеру, промчались праздники и будни жизни в лагере, она окрепла, постройнела, похудела чуть и загорела дочерна, и после отдыха – на даче с бабушкой, заслуженного точно уж, в «Зенит» явилась не малышка-первоклашечка, а загорелая и стройная девчущечка, уже и лифчик примерявшая на крепкую, уже успевшую оформиться достаточно, двумя полушечками спеленького яблочка, девичью грудь, пока совсем ещё невинную...

Глава девятая

И здесь, пожалуй, с позволения читателя, автор хотел бы сделать маленькую паузу, остановиться и подумать с полминуточки. Возникли смутные у автора сомнения: а может всё это читателю и незачем? А так ли нужно в этих красочных подробностях живописать младые нашей Светочки? К чему нам это и сгодится ли нам далее? Да и имеет ли вся эта предыстория, рассказ о юности и детстве этой девочки, хотя бы даже небольшое отношение к большой истории о Светке и о Веничке, самостоятельных уже и взрослых личностях, коим и было с первых строчек адресовано сие печальное его повествование? А существует ли тут связь? Не заскучают ли, не потеряют интерес мои читатели в процессе чтения ненужных им подробностей? А не вернуться ли, подумалось тут автору, в ту же психушку, например, к его шизоидам, устроить, скажем, небольшую потасовочку, с потерей памяти героем нашей повести и возвращением в сомнительное прошлое? Или, к примеру, прокатиться, как на лошади, на фюзеляже штурмового истребителя, в приятном обществе быть может и потрёпанной, но тем не менее звезды суровых экшенов? Да и Костяныч очень вовремя, мне кажется, на этой сцене появился, ну так может быть, ему в лесочек прогуляться вместе с парочкой пробитых напрочь, отмороженных налётчиков? Отличный ход, я полагаю, вам понравится! Хотя, возможно, и не блещет самобытностью, оригинальностью. Задумаешься может быть... Так что вернёмся-ка мы с вами к ещё юному, но так стремительно взрослеющему Светику, может попробуем узнать хоть что-то новое о детстве нашей героини. Я так думаю, нам это позже пригодится, без сомнения...¹⁰

Итак: сентябрь наша маленькая Светочка встречала ворохом роскошных гладиолусов и белоснежных хризантем в обнимку с томными, седыми лилиями с клумбы её бабушки, и ожиданием самой ещё неясного, пока негаданного, будущего праздника... Выпускники в пиджачных парах с выпускницами – на каблуках и с подрисованными глазками, под ручки шумно провели слегка растерянных, ещё счастливых в своём искреннем неведении, ещё наивных первоклашек, гулкой лестницей старинной школы; отпустив в большое плаванье, смахнув украдкой слезу, своё оплакали мамы свежие, зелёные первоклассников, после каникул непривычно как-то звонко вдруг грянул торжественный звонок по рекреациям, и наконец-то начался уже второй её, учебный год.

А вслед за первым, ещё праздничным, ещё торжественным звонком, у этой девочки однообразной чередой пошли привычные, уже обыденные будни и занятия. Школа у Светика сменялась тренировками, опять уроки, тренировки, и по-новому, и так по кругу, без начала и без конца. Ни о прогулках после школы, ни о сладостях она уже и не мечтала; эти радости, какими жили наши мальчики и девочки, ей заменил её Зенит, её гимнастика: бревно и брусья, и, казалось, бесконечные, хореография, ковёр и акробатика.

А время шло, уже и клёны возле Горьковской устало сбросили осенний и роскошный свой, кроваво-огненный наряд, раздевшись кронами, и мокрый ветер опустевшими дорожками погнал опавшую, пожухлую и ржавую, листву с деревьев к разъярённой поздней осенью, встающей дико на дыбы у Петропавловки – седыми волнами Невы. А вскоре Светочка, однажды утром, на ноябрьские праздники, едва раздвинув занавески, тихо ахнула: внизу лежало белоснежное, прекрасное, пуховой шубой одеяло: за ночь улицы накрыло снегом. Восхитительными стразами, своим могучим, первозданным одеянием, сиял на солнышке торжественный и праздничный, такой прекрасный, белый снег...

---

¹⁰ Здесь отсыл к знаменитому роману Виктора Пелевина «Чапаев и пустота».

Погожий день этот, пришедший вслед за воскресеньем, после праздников, и этот снег, пусть даже первый, даже радостный, как и огромное, бесчисленное множество, таких же точно зимних дней, она, естественно, уже к утру наверняка бы и не вспомнила: морозец первый этот, лёгкий, это солнышко – над синеватыми, ледовыми дорожками, снежки у школы и мальчишки краснощёкие, всё это было уже в жизни этой девочки и повторится, несомненно, много раз ещё, однако именно тем самым понедельником случилось нечто, что осталось в её памяти на много лет, а может стать и навек уже...

Когда она, в давно привычной ей компании – своих подружек, выходила из дверей уже, напротив школы шло великое сражение: в соседнем скверике мальчишки из родного ей, второго «А», сражались с Бэшниками яростно. На Петроградской эти мальчишки и девочки частенько жили по соседству, где-то рядышком, в одних дворах, одних домах, на тех же лестницах, и воевать здесь класс на класс по-настоящему, никто не думал, но война была нешуточной. Снежки летели отовсюду, прямо сразу же, мальчишки били всех подряд, в кого получится, и три девчонки, пробежавшие по скверику, попали тут же под обстрел.

Притворно охая, по ходу дела прикрываясь рукавичками, они помчались по тропинке до калиточки, как тут, внезапно, ледяной и обжигающий (она сама не поняла, откуда взялся-то, откуда он ей прилетел), заряд из мокрого, не снега даже, показалось ей, а льда уже, влетел ей прямо между глаз, пониже шапочки. От неожиданности Светка громко охнула и, поскользнувшись на размокшей кочеряжине, взмахнув руками, растянулась, словно курица, под улюлюканье и гиканье воющих. На снег посыпались учебники с тетрадками, и искры брызнули из глаз. За что они её? За что, скажите, ну за что её обидели?

Она сидела на снегу, и слёзы сразу же – вдруг покатались по щекам без разрешения. Не то от этой, незаслуженной совсем уже, пустой обиды, или может от усталости, от этой школы, бесконечных, показалось бы, хореографии, бревна и акробатики, а может дело было в новом её тренере, быть может в нём была причина? Это Светочка уже совсем не понимала. Только сразу же, тяжёлым камнем навалилась непомерная, невероятная усталость и ужасное, ей неизвестное доселе ощущение, полнейшей тщеты и никчёмности всего уже, над чем она с таким отчаянным терпением трудилась в зале целый год, как сумасшедшая. Она сидела на снегу и тихо плакала. Горько подрагивая плечиками, сжалась вся, и молча плакала, как маленькая дурочка.

Чуть погода к ней подошёл весь перепуганный, какой-то толстый мальчуган, его фамилии она не знала, знала только, что из Бэшников. Весёлый гогот пацанов и улюлюканье в одну секунду прекратились, прямо сразу же; в застывшем сквере стало тихо на мгновение.

– Ну что ты, больно? – наклонившись с осторожностью, спросил он Светика. – Я правда, не нарочно ведь. Прости, пожалуйста, ну честно, я не целился... Я не хотел, – он наклонился чуть поближе к ней, – не плачь, пожалуйста, прости, ну я случайно же, – и протянул ей свою руку в мокрой варежке: – ну поднимайся...

Светка выдохнула горестно, ладошкой вытерла лицо, тихонько всхлипнула, и, отпихнув его, скорее по инерции стала отряхивать пальто.

– Да нет, ну правда же, – он сам едва уже не плакал, – я не целился... Я не хотел в тебя попасть. Прости, пожалуйста... – он взял портфель, собрал тетрадки и учебники, линейку, ручку, карандаш; сложив пенал её, убрал в портфель и протянул всё это Светику: – ну вот, держи. Не обижайся, ну пожалуйста! А я тебя немного знаю. Ты же Света ведь? Из «А», ну правда? А я Коля, я тут рядышком, напротив Ситного¹¹ живу, ну рынок, знаешь ведь? Напротив Сытнинской. Прости меня, пожалуйста.

---

¹¹ «Ситный» – Ситный рынок на Петроградской стороне.

– Дурак ты, Коля, – усмехнулась она тягостно и покрутила ему пальцем: – он не целился... он не нарочно, – и вполголоса добавила: – придурок с рынка, с поворотом... и не лечишься.

Присев на корточки, взглянула повнимательней – не позабыла ли чего, надела варежки и понеслась, ещё дрожа от возмущения, к себе домой, не оборачиваясь более. И лишь у самого подъезда, словно видя всё, как будто чувствуя кого-то позвоночником, она случайно обернулась и заметила едва знакомую, нелепую и толстую, фигуру мальчика, в пальто не по плечу уже, грустно плетущуюся где-то в отдалении.

Войдя в квартиру она вымыла солёное, ещё горящее лицо, поела наскоро, и, не затягивая, села за учебники. К шести часам ей нужно было на Аптекарский...

Глава десятая

Однажды вечером, в начале октября ещё, припоминала это она всё впоследствии, любимый тренер ей сказал, что есть коротенький, но очень важный разговор и попросил её ещё немного задержаться, на минуточку. Она умылась, собрала свою котомочку, переоделась и присела рядом с выходом. Чуть погодя он подошёл и сел поблизости, а с ним ещё один, в каком-то очень фирменном, просто улётнейшем костюме, строгой внешности, суровый дядечка в очках большими линзами. Она, конечно, его видела до этого, само собой всегда здоровалась, как в общем-то, со всеми тренерами в зале, но не более. Работал он, как у спортсменов выражаются, уже с основой: мастерами, КМС-ми, короче, старшими девчонками и, кстати уж, являлся здесь и старшим тренером у девушек.

– Ну вот ты, Светик, моя милая, и выросла, – немного грустно улыбнувшись, вдруг поведал ей – с этой минуты уже бывший, так любимый ей, почти мальчишка, её тренер. – Что поделаешь, придётся, солнышко моё, нам, к сожалению, с тобой расстаться, забирают мою девочку, мою красавочку, – он чуточку замешкался и обернулся на секунду к очень строгому, очень серьёзному на вид, второму тренеру: – Михаил Юрьевич тобой интересуется, – вздохнул негромко и опять взглянул на Светика: – уж ты, пожалуйста, смотри не подведи меня... Михаил Юрьевич работает со взрослыми, товарищ строгий!

Тот присел поближе к Светику и улыбнулся ей:

– Ну что, давай знакомиться?

«А с виду вроде и не строгий, ничего такой, нормальный дядечка», – подумалось ей сразу же.

Тот снял очки, протёр матерчатой салфеточкой и посмотрел очень внимательно на Светика:

– Михаил Юрьевич, прошу любить и жаловать, – он улыбнулся, по-отечески совсем уже: – твой новый тренер, педагог. А как тебя зовут, как видишь, мне уже известно. Просто Светочка, не возражаешь, я надеюсь? – он нахмурился, но только в шутку, это видно было сразу же. – Ну что ты скажешь, поработаем на парочку? Мы из тебя, – и, приобняв её за плечики, он прошептал ей, – чемпионку, олимпийскую, тут будем делать. Ты не против, я так думаю? Приступим с завтрашнего дня... Не возражаешь ведь?

Она совсем не возражала. Не могла же ведь она хоть в чём-то возражать такому славному, такому взрослому, ответственному дядечке? И даже пусть переходит к другому тренеру и расставаться со своим, так полюбившимся, ей абсолютно не хотелось, тем не менее, характер Светика, упорный и ответственный, тут взял своё в который раз. «Ну старший тренер ведь! Уж если надо, значит надо, что поделаешь, – решила Светка, – вдруг действительно получится?...»

Уже на следующий вечер эта девочка на тренировке появилась с новым тренером...

Однако дело оказалось, разумеется, совсем не лёгким: чемпионами становятся, а не рождаются... Простую эту истину она узнала очень скоро и освоила уже на собственном примере, за полгода лишь. Стать чемпионкой, настоящей, а не будущей, не олимпийской, для начала хоть по городу, – задачка вовсе не из лёгких, тут, естественно, придётся сильно потрудиться и помучиться... Всё то, к чему она привыкла так до этого, теперь казалось просто отдыхом у бабушки. Отныне просто бесконечные, упорные, день ото дня, по три часа её занятия, пока к успехам не веди, и эта вечная – долбёжка новых упражнений с элементами, по вечерам её выматывала начисто. А если что-то наконец и получалось вдруг, той детской радости, которую недавно ведь она испытывала с первым её тренером, теперь и след уже простыл. Ладонки Светика покрылись жёсткими, корявыми мозолями, плечи внезапно развернулись и теперь уже,

своей фигуркой походила она более... скорей на мальчика-гимнаста, чем на девочку, обыкновенную девчущку, второклассницу.

Из своего, под самый вечер опустевшего, почти безлюдного Зенита, наша Светочка на остановку выходила поздно вечером, брела устало к Петроградкой от Аптекарки и дожидалась там вечернего троллейбуса. И даже дома, обессиленная начисто, она хотела одного лишь: поскорее бы свернуться маленьким клубочком до утра уже; даже об ужине она теперь не думала...

Амбициозный её шеф себе и девочкам стремился ставить грандиозные действительно, большие цели и задачи. Всё у девочек было расписано по графику, заранее: в этом была его стихия и могучая(!) работа мысли, подкреплённая успехами. Пока есть время, – распланировал он Светику, – пройдемся в темпе по второму (уже взрослому, третий разряд им пропускаться, за ненужностью, такие мелочи казалась ему лишними в карьере будущей звезды родного общества), и побеждаем, непременно, без сомнения, – ничто иное в его замыслах не значилось, – в весеннем первенстве «Зенита», на отборочных.

– Там побеждать-то тебе толком-то и некого, ну ты сама-то погляди! – внушал он Светику. Одни коровы, переростки... неумеги ведь...

Ступенькой выше шли задачи посерьёзнее, к примеру кубок Ленинграда.

– Тут, я думаю, тебе придётся потрудиться, постараться уж. В «Динамо» тоже очень сильные соперницы. Но ты сумеешь, я-то знаю, ты-то справишься. Не сомневаюсь, – заговаривал он Светика.

А Светик слушал и старался, и готовился, так не хотелось огорчать такого славного, такого чуткого, ответственного тренера... За лето им предполагалось основательно, в ударном темпе подготовиться по первому и выходить уже на сборную, ну скажем хоть... хотя бы города пока что, для начала лишь... В составе сборной – в смелых планах её тренера – уже мелькали непрерывными победами триумфы уровнем повыше, посерьёзнее, и наконец, пока сверкающей вдали ещё, но обязательной вершиной, непременно уж, чемпионат всего Союза, среди девушек. Тут, как ни странно, только в виде исключения, могли планироваться даже и не первые, пускай вторые или третьи, тем не менее, вполне почётные места: сам факт участия – в такого рода, грандиозных состязаниях, предполагал уже наличие (возможное) вполне приличной, даже сильной конкуренции, звезде больших Олимпиад, грядущих в будущем. На этом планы её нового наставника пока терялись в полумраке неизвестности. Пока заглядывать ещё куда-то далее он отчего-то не решался (к сожалению, а может к счастью, это всё мы скоро выясним...)

Каким-то образом за Светкой понемножечку, однако прочно закрепилось очень странное, пока авансом лишь ей выданное звание звезды больших чемпионатов, пусть и будущей. Казалось, все до одного в Зените тренеры и говорят-то об одном лишь только Светике, её характере, таланте и способностях. Что удивительно, на маленького Светика всё это действовало даже угнетающе. Хотя, казалось бы, кому же не понравится себя почувствовать пускай ещё и маленькой, но тем не менее, какой-то уже звёздочкой. «Ну где они тут чемпионку-то увидели? – бывало думала она в постели вечером. Ведь ничего и не умею, по-хорошему!» И всё же, странное такое отношение предполагало и особую ответственность, и даже пусть такая маленькая девочка об этих сложностях пока ещё не думала, эта ответственность легла на её плечики вполне серьёзным и совсем не детским бременем...

Так, в бесконечных тренировках, вечер к вечеру, минул ноябрь, и декабрь; как-то весело, сверкнув подарками и праздничными ёлками, промчались быстро новогодние каникулы, разбитый надвое январь, пошёл февраль уже, а Светка так же торопилась на Аптекарский, и позд-

ним вечером, одна уже, без бабушки, брела усталыми до мелкой дрожи ножками на Петроградскую, к холодному троллейбусу. И иногда, с ещё неясным удивлением, вдруг замечала несуразную, нелепую, грустно плетущуюся где-то в отдалении, фигуру мальчика, в пальтишке не по плечу. И очень странные, неведомые прежде ей, в ней просыпались в это время ощущения: глухой тревоги, неосознанной пока ещё, немой тоски и незнакомой ей до этого, пьянящей сладостно и тихо, новой радости. Всё это злило, напрягало её бешено, и в то же время, чуть покалывая рёбрышки, – ей незнакомым холодком, звенело трепетно, немым вопросом под сердечком: чем же всё это у них закончится, и что вы ей прикажете теперь с поганцем этим делать?

Тут, наверное, я попытаюсь сделать кратенькую сносочку, внести интригу искущённому читателю: как нам известно, всё когда-нибудь закончится, да только знать бы ещё чем, да и когда ещё... Как нам сказал великий Чехов, если в действии у нас на сцене есть ружьё, тогда, впоследствии, оно внезапно (и коварно очень) выстрелит. Ну а пока же, с позволения читателя, я возвращаюсь к подрастающему Светику...

При всём при этом Коля с рынка, с этой Сытнинской, как про себя уже назвала его Светочка, пока никак своих стремлений не показывал и даже просто подойти, сказать хоть что-нибудь, или хотя бы поднести её котомочку он отчего-то не решался, как ни странно уж. Она, конечно, не дала бы, но, однако же, казалось Светке, отчего бы не попробовать? Он за ней следовал едва ли не как тень уже, не очень даже и скрываясь, и при этом же, хотя бы как-то разрешить свои сомнения... он, очевидно, был пока не в состоянии...

Однако время шло к апрелю потихонечку, дни становились всё длиннее и приветливей, ночи короче, и проснувшееся солнышко, уже с рассветами, заглядывая чаще всё, – в её окошко, поднимая настроение, будило Светку по утрам. Уже и первые, пока несмелые, весенние проточки, вдруг побежали из-под бурых и подтаявших, больших сугробов во дворе; весёлым сборищем, навстречу лету, уже громко и настойчиво, запели птицы в просыпающихся сквериках, и бесконечная зима на этом вроде бы, внезапно сдавшись, отступила окончательно. Дорога к дому из Зенита, к удивлению, вдруг оказалась не такой уж и томительной, и возвращалась с тренировок она вечером теперь ещё до темноты. Как будто нехотя, пускай и медленно, но верно тем не менее, вступала новая весна в свои владения.

Учился Светик так, что даже среди девочек в своём «А» классе выделялся и прилежностью, и удивительной способностью всё схватывать – буквально сразу, на лету; с домашкой Светочка уже привычно управлялась прямо сразу же, на переменках, и из дома – на Аптекарский, частенько шла немного загодя, заранее... Ей просто нравилось спокойно, в одиночестве, покувыркаться на багутах в малом зальчике, подразогревшись, потянуть свои шпагатики, и наконец пройти по низенькому брёвнышку, без лишних глаз и указаний её тренера. Она укладывала маты аккуратненько, вровень с поверхностью бревна, и в сотый раз уже полировала свои стойки с разворотами, рондаты, фляки и бесчисленные ласточки, ей просто нравилось одной их отрабатывать на этом низеньком бревне: ну что поделаешь, с бревном высоким отношения у Светика не удавались, не сложились отчего-то уж...

Немного позже в зал выглядывали старшие, искали Светика:

– Приветик, шкода! Трудишься?

Она кивала:

– Разминаюсь потихонечку.

– За этим следовал вопрос: – Начальство видела? Бухгалтер в зале?

Иногда он был «бюстгалтером», а иногда и просто Монеи: Монея в зале, мол?

Всё дело в том, что старший тренер этих девочек имел не очень благозвучную фамилию, весьма таинственным, чистейшим совпадением, вполне конкретно относящуюся к женщинам. Михаил Юрьевич Бегельтер, а для девочек – слегка пикантная, хотя и всем известная,

часть туалета, так сказать, созревшей женщины. Порой же шеф именовался и Бухгалтером, возможно просто, за дурацкие наклонности всё для начала непременно распланировать, чтобы потом, как зло подшучивали девочки, был повод злиться, что не вышло, как расписано. Возможно даже, не настолько уж и трепетно они любили своего родного тренера, как показалось бы порой не самым сведущим...

Своей методикой работы с подопечными Михаил Юрьевич Бегельтер, пусть не очень-то, но отличался в очень выгодную сторону, от, так сказать, своих собратьев по оружию, из многих залов Ленинграда. Неспроста же ведь он был в «Зените» старшим тренером у девушек, а не застенчивым мальчишкой, тренерашечкой, с улыбкой гостя на лице. Вы понимаете? И дело вовсе тут не в том, что он на девочек, признаем честно, временами и покрикивал, ну как ты в спорте обойдешься без эмоции, а то и крепкого словца? Не в этом дело ведь! Буквально парочкой коротеньких и ласковых, негромких слов и лаконичных, разумеется, хотя и крепких выражений, этот вежливый «бухгалтер Моня» мог вогнать своих воспитанниц в такую оторопь, такое помрачение, что они лезли, не раздумывая далее, на потолок уже, на стену, да на крышу хоть, и выполняли всё, что тренером указано. А иногда, хотя и в самых крайних случаях, без лишних глаз и нежелательных свидетелей, мог и скакалочкой разок-другой проехаться, «по мягким тканям» приложиться... Да, скажу я вам, и как проехаться, да как и приложиться ведь! Вот так и девочки, в своём любимом тренере, как нам понятно, просто душ своих не чаяли, и имя дали по заслугам, соответственно. Не так легко любить кусачее животное...

Однако Светика вся эта «педагогия» пока что, слава тебе Боже, не затронула, она была ещё малышкой; в группе девочки не обижали её, попусту не трогали, скорее даже помогали, небольшими лишь, на первый взгляд и несерьёзными подсказками, которых тренер знать не мог по той одной уже, вполне понятной нам причине, что на все эти, немного странные снаряды своих девочек, ни разу в жизни забираться и не пробовал.

Девчонки в группе её называли Светиком, бывало шкодой, иногда и просто мелочью, а шеф едва не с первых дней как будто выделил, немного в общем, чтобы девочки тут попусту, как намекал он, зря от ревности не мучились. «У нас же все тут, – он ехидничал с усмешечкой, – с крутым характером, все лучшие на свете ведь...» Хотя, по правде говоря, его сомнения тут были лишними: в команде этих девочек она, казалось, прижилась в одно мгновение: её покладистый характер и при этом же отнюдь не детское упорство, старших девчонок расположили к ней почти безоговорочно...

Глава одиннадцатая

Михаил Юрьевич был прав: в апреле Светочка взяла свой кубок без большого напряжения: составить ей хоть небольшую конкуренцию и в самом деле оказалось просто некому. Ей вновь вручили ту же глянцевую грамоту, не хуже прежнего ещё один будильничек, второй разряд она сдала с большим довесочком и получила долгожданную для тренера путёвку к будущим спортивным достижениям, на предстоящем очень скоро кубке города, в команде девушек Зенита, младшим номером.

Весенний кубок Ленинграда по гимнастике в те годы часто проводился в Клубе Армии, на Инженерной, рядом с цирком, за Михайловским¹². На произвольную программу почитателей – простых болельщиков и истинных поклонников – на двух трибунах набиралось предостаточно: друзья из зала и подруги, одноклассники; студенты Лесгафта и преподаватели гимнастики – того же Лесгафта; родители и бабушки. И наконец, уже особое, естественно, хотя заслуженное место среди зрителей, принадлежало в этом зале молодым ещё парням и девушкам, успешно отстрелявшимся на гимнастическом помосте окончательно. Эти угадывались сразу, безошибочно. Ещё с порога они весело и радостно, долго раскланивались с тренерами юношей (а может девушек, смотря по выступающим), найдя своих, таких же точно отстрелявшихся, довольно шумно пробирались между лавочек, и наконец, уже добравшись до товарищей, сию секунду приступали к обсуждению: кто побежит, пока разминка, за напитками, и где им вместе провести остаток вечера. В общем народе – посмотреть на произвольную – на Инженерной собиралось предостаточно.

Уже на старте, после выхода на «вольные», где Светка, может быть и с дрожью под коленками, но отработала отлично, успокоившись, она собралась и вздохнула посвободнее, и с той минуты абсолютная уверенность, в том, что теперь-то всё получится как следует, она нигде не упадёт и не растянется – под шум трибун и оживлённый хохот зрителей, её уже не покидала до последнего, однако самого ответственного выхода.

Две полутёмные трибуны в этом узеньком, спортивном зале, растянувшимся от выхода большой кишкой, располагались прямо рядышком с акробатической дорожкой и резиновой, тугой дорожкой на прыжок, и выступавшие время от времени обменивались фразами с такими точно же гимнастами из публики, а также прочими друзьями и знакомыми. Её родители сидели где-то рядышком, однако Светка на трибуны и на зрителей пока старалась не смотреть: все эти лишние, сиюминутные тревоги и эмоции, сейчас ей были ни к чему. И только – мельком лишь – она заметила в углу уже знакомое (не из гимнастики) лицо, но лишь заметила и прямо сразу же забыла, и не более. Шальная мысль «А этот как тут оказался-то?» мелькнула быстро в её светленькой головушке и моментально испарилась, и растаяла. Сейчас ей было не до этого поклонника...

Уже последним, самым важным и ответственным, в команде девушек Зенита шло то самое, ей нелюбимое бревно, снаряд, который ей не подчинялся ни в какую много месяцев. С ударом гонга они вышли на короткую, пятиминутную разминку, и прослушали пока текущие итоги состязания, по всем разрядам. К заключительному выходу она была уже второй, на первом месте же шла очень сильная, Динамовская девочка, на год постарше, обгоняла она Светика совсем немного, на какие-то десятые. «Ну вот сейчас всё и решится окончательно», – приподнимаясь со скамейки перед выходом, она вздохнула глубоко, шагнула к мостику, и вслед за этим, прямо с этого мгновения, как будто даже не была самой собой уже.

---

¹² Михайловский – Михайловский замок на Фонтанке.

Ни ощущений, ни эмоций этой девочки, во время долгого довольно исполнения – своей, насыщенной рондатами и фляками, как выражаются гимнасты, комбинации, что очень странно, она даже не заметила. Лишь удивительный полёт, одним видением, запечатлелся в её детском подсознании: словно в замедленном кино, она увидела, как неизвестная ей, крошечная девочка, запрыгнув сходу на бревно с тугого мостика, чётко исполнила без мизерной погрешности свои рондаты, фляки, ласточки и стоечки, и в завершение, очнувшись на соскоке лишь, тут же услышала, не веря и сама ещё, звенящим хором это: «Стой!», уже любимое и так известное поклонникам гимнастики. И она ровненько, счастливая... стояла ведь! Не шелохнувшись, без малейшего движения! Стояла, вскинув свои руки победителя, и вся сияла, словно радостное солнышко...

А вслед за этим, когда маленькая Светочка пришла в себя, её по очереди обняли: подруги, тренер; и Динамовские девочки ей жали руку, и она, ещё растерянно, пошла к трибуне, где счастливые родители расцеловали свою родненькую деточку, и даже Коля, весь пунцовый от волнения, спустившись вниз, сказал, немного заикаясь ей: «Вот это класс! Ну поздравляю! Было здорово!», и тут она уже, краснея от смущения, неловко чмокнула его, куда-то в пухлую, тугую щёку, и ответила растерянно: «Спасибо, Коля, что пришёл! Никак не думала...»

Чуть погодя на центр вынесли внушительный, тремя кубами пьедестал для награждения, с большими цифрами на каждом, после этого команды вышли на ковёр под звуки музыки, и наступило то чудесное мгновение, которым грезилась она, казалось ей теперь, почти два года.

Не хватило им до первого совсем немного, на какие-то десятые они «Динамо» пропустили, к сожалению, хотя и лидер их команды, тоже Светочка, по мастерам уже, была при этом первая. Свете исполнилось шестнадцать, шёл семнадцатый, она заканчивала школу, но не среднюю, обыкновенную, где учат арифметике, литературе и надуманной истории, спортивный тернат, где, разумеется со временем, уже планировалось место и для Светика.

В широком холле гимнастического комплекса, где так упорно шла к победам эта девочка, располагался небольшой, но привлекательный, зеркальный стенд, где и спортсмены и родители, а также прочие поклонники гимнастики могли увидеть многочисленные грамоты, медали, кубки всех мастей и фотографии – различных звёзд и чемпионки; вот и Светочка, бывало тоже, в мимолётном изумлении, здесь притормаживала часто, на минуту лишь. Она разглядывала кубки и регалии, качая тихо головой, вздыхала сладостно, и тут ей грезились чудесные видения: дворцы больших Олимпиад, трибуны зрителей, лица усталых, но счастливых победительниц, она их видела едва ли не воочию, и сердце сладко замирало в предвкушении...

Их чемпионке в мастерах, под грохот публики, вручили дивный и сияющий загадочно, не хуже тех, прекрасный кубок; с ними рядышком, на небольшом, полупустом судейском столике, стояло несколько похожих, разве только что, поменьше может, ну и то совсем немножечко. Сердечко Светика забило в ожидании, и наконец, спустя совсем немного времени, ведущий громко объявил, что среди девушек («Уже не девочек!» – внезапно ей подумалось) второго взрослого разряда победила здесь... она вдохнула, он назвал её фамилию, и Светка, выдохнув, с улыбкой облегчения, с носочка вышла к пьедесталу. Вслед за ней уже прошли две бледные, динамовские девочки, они неловко, неуклюже как-то обнялись, пожали руки, и седой, усталый дядечка, какой-то тоже чемпион, как оказалось вдруг, Сергей Васильевич, зенитовский начальник их, вручил им грамоты и всем надел по маленькой, зато увесистой медали. Обнял девочек, однако кубка никакого, к удивлению, в итоге так и не принёс. Она растерянно, не понимая что сказать, спросила всё-таки:

– А как же кубок?

– Молодчина! Так и держимся! – он улыбнулся ей в ответ: – а кубок, Светочка... ты погоди, попозже будет, обязательно, – и, приобняв её за плечи по-отечески, вздохнул устало: – потерпи ещё немножечко. Мне доложили, что он в чистке, для вручения... На днях, сказали, заберут. Ты подойди ко мне, через недельку, хорошо? Договорились ведь?

– Договорились, – погасив свои сомнения, она вздохнула: – подойду...

И тем не менее, через неделю оказалось неожиданно, что этот приз переходящий, только временный, но привезти его пока не удосужились, затем шли майские, потом Сергей Васильевич был «очень занят», дело шло уже и к лагерю, «Ты потерпи ещё немножечко, пожалуйста», – сказал он ей; а вслед за тем уже и Светочка – сама отправилась под Лугу – в тот же самый всё, спортивный лагерь в Толмачёво, рядом с Каменкой. А там ей стало абсолютно не до этого, о кубке Светочка забыла окончательно, но тем не менее, бывало иногда ещё, ей вспоминался её первый кубок города, и этой девочке казалось, будто все эти, доброжелательные дяденьки и тётеньки, её за что-то обделили этим вечером, и обделили совершенно незаслуженно...

Глава двенадцатая

Михаил Юрьевичу было не до лагеря, остался в городе, готовить старших девочек – к Спартакиаде. Тут, я думаю, мне следует вам пояснить одну деталь (быть может кто-то здесь не знал совсем, а кто-то может и забыл уже): Спартакиады в эти годы, при правлении нам дорогого Ильича (вы не подумайте, я не о Ленине, о Брежнев, естественно) как раз и были теми гордыми вершинами, о покорении которых, без сомнения, мечтали все наши мальчишки и девчоночки, в районных клубах и больших спортивных обществах. Спартакиады – для простого обывателя – тогда являлись чем-то вроде доморощенных, советских игр олимпийского значения, спортивных праздников любительского (якобы), родного спорта. Проходили эти праздники всегда в Москве, не ежегодно, раз в два года лишь, и шли по очереди, взрослые и школьников, год через год. По две недели, вечер к вечеру, они не меркли на экране телевизора, их предваряли грандиозные и яркие, ничуть не хуже олимпийских, дни открытия, и завершали пусть немножечко и грустные, но тоже праздники – прощаний и закрытия.

Теперь попробую, отдельно для читателей, подразобрать соревновательную химию чуть поплотнее, разложу для вас по полочкам. В СССР, во всесоюзных состязаниях попроще уровнем, назвал бы их обычными, между собой боролись даже и не сборные, команды, ставшие как минимум призёрами, в так называемых ЦС, в спортивных обществах, «Динамо», скажем, и «Зенит», ну и так далее. В Спартакиадах же, как взрослых, так и школьников, боролись сборные республик и – особыми, но полноправными командами две сборные – Москвы, а также Ленинграда, как и прочие, соревновавшиеся здесь с республиканскими.

И наша маленькая Светочка, естественно, как чемпионка своего родного города, была бы тоже в этой сборной, без сомнения: попасть в команду и возможно даже выиграть – в Спартакиаде, пусть и школьников, хоть что-нибудь, или как минимум быть в тройке, этой девочке, с её характером по силам было точно уж, я тут уверен на все сто, уж вы поверьте мне! И тем не менее, увы! Тогда в гимнастике, в чемпионатах всесоюзного значения, команды строились по принципу: три мастера, два КМС-а и ещё один по первому, однако Светик отличилась по второму лишь. По этой именно причине тренер Светика так торопился её выставить по первому: ему ужасно не терпелось лицезреть её уже на уровне Союза, а начать же он... пока планировал хотя бы с Кубка Волкова – чемпионата всесоюзного значения и проходившего всегда в начале осени.

Как я уже упомянул, Михаил Юрьевич под Лугу летом не поехал, а со старшими остался в городе, и маленького Светика пока пристроили... вот этого теперь уже она не помнила, не то Сергей Никитичу, а может быть он был Никитин по фамилии, нам не до этого сейчас, не это главное.

За небывалые для тренера пропорции и черепашечку под ноль, девчонки лагере, беззлобно в общем, называли его Борманом. Передвигался он неспешно, с осторожностью: носить огромное своё и утомлённое, слоновье тело, было если и не подвигом, то делом очень непростым. Вздыхая горестно, он поминутно вытирал опушку черепа своим искомым платком, сопел и морщился, страдал одышкой и потел. Девчонки Бормана на тренировках утруждаться и не думали, ходили в зал уже скорее по традиции, да он и сам излишком творческой энергии, как нам понятно, не страдал и жил по принципу: сойдёт и так...

Он был похож на добродушного, такого, мощного тюленя, а скорее уж – морского льва на берегу полярной Арктики, время от времени гонящего ластиной жужжащих мух и мош-кару, под ярким солнышком, в конце июля, на полуденном безветрии. Своих девчонок он не

мучил, злиться попусту, орать на девочек и без толку собачиться... ему, похоже, было лень, давным-давно уже.

В группе у Бормана, как выяснилось, Светочка, по большей части оказалась предоставленной... самой себе же, что ей сразу же понравилось. С уже привычным окружающим терпением она трудилась на своём любимом бревнышке, почти часами не могла расстаться с брусками, самостоятельно разучивала солнышко – над мягкой ямой под навесом, в одиночестве; и лишь прыжковую дорожку вёл у девочек совсем недавно перешедший из «Динамо» к ним, их новый тренер, акробат. И «очень лёгкую, – как он подшучивал, – короткую зарядочку», в их группе вёл всё тот же «бешеный динамовец», как называли его девочки у Бормана.

С утра девчонки, для разминки, разумеется, бежали ббсыми по кругу стадиончика, затем по плану шли барьеры, ускорения, прыжки из приседа на скорость и выносливость, и наконец они, «размявшись окончательно», бежали к дальнему, серебряному озеру. Такого рода, регулярные и долгие, пробежки утром босиком, по (очень верному!) и устоявшемуся мнению их тренера, великолепно укрепляли мышцы голени, спины и ног; голеностопные, коленные, межпозвоночные хрящи и сочленения, короче, всё, что поддаётся укреплению, но основное – твёрдость духа победителя, характер воина и силу воли женщины...

На дальнем озере мучения, естественно, лишь продолжалось: они бегали под горочку, потом вверх и, измочаленными начисто, приятным бонусом, купаясь долго в озере, ныряли с маленького пирса и дурачились, а возвращались не спеша: на построение девчонок в лагере не ждали, и в столовую они могли идти не строем, словно в армии, а как самим же им захочется и нравится. И эта, вовсе незначительная вроде бы, едва не мелочь, ерунда, как показалось бы, вместе с купанием на дальнем этом озере, куда ходить, категорически, без тренера им воспрещалось, ну а Борман, разумеется, дойти до озера не мог с его проблемами, с лихвой затмила эти, может быть и жуткие, но в самом деле очень нужные мучения.

Два летних месяца в теперь уже втором её, спортивном лагере промчались и закончились, она действительно окрепла, как-то выросла, почти привыкла ползать в гору с ускорением, крутила солнышко совсем по-настоящему и зажигала под латинские мелодии. С недавних пор хореографию у девочек вёл перешедший к ним (опять же из «Динамо»), ей неизвестный педагог, своим обликом напоминающий (немного, разумеется), немолодую, но изысканную девушку, с коротким именем Марат, и даже девочки, хотя на «Вы» и с уважением, естественно, однако так его и звали. Кроме этого, он вёл и группу балльных танцев, показалось бы... не очень нужные в гимнастике занятия, однако несколько девчонок в этом лагере, уже считавшихся особо перспективными, их посещали регулярно, обязательно.

Как очень скоро оказалось, эти танцы ей безоговорочно и сразу же понравились, да и Марат, как будто сразу же почувствовал... и интерес, и неподдельное внимание, не отходил от этой крошки. К окончанию, уже прощальному костру, она, казалось бы, почти летая, зажигала так отчаянно, что все мальчишки и девчонки в этом лагере смотрели только на неё, и ей от этого казалось только веселее лишь и радостней, раскрепощаясь в этом танце окончательно и растворяясь в своём движении и музыке, она кружилась, словно маленькая радуга, не замечая ничего и никого уже...

Но, как известно, всё закончится когда-нибудь, костёр прощальный догорел, погасла радуга, утихла музыка до будущего лагеря, и уже утром, так уставших за два месяца, их повезли обратно в город, на Аптекарский; трудный и радостный сезон их жизни в лагере прошедшей ночью завершился окончательно.

А вслед за этим, совершенно неожиданно, она попала и на первые (однако же, как оказалось очень скоро и последние) в своей спортивной жизни сборы. Жарким августом она с дев-

чонками едва ли не отмучила три бесконечные недели, как на каторге, неподалёку от цветущего и жаркого, в зеленых пальмах и роскошных виноградниках, причерноморского Сухуми. Потрясающий, почти на целый километр растянувшийся вдоль каменистого и узенького пляжика спортивный комплекс всесоюзного значения, повис, казалось бы, в немом оцепенении, в горячем мареве пустынного безветрия. Ясно запомнила она насквозь просоленный, пологий берег, и с утра почти зеркальную, седую гладь до горизонта: в этом зеркале плескалось утреннее, ласковое солнышко. Эти пустынные дорожки между пальмами и звон цикадочек в траве, почти бездонное, далёким омутом, усыпанное звёздами, ультрамариновое небо поздним вечером, асфальт дорожек, раскалённый добела уже: вся эта роскошь, оглушительно звенящая под южным солнцем тишина, казалась Светику невероятным миражом: вполне естественно, и даже близко ничего тому подобного до этих пор в её короткой жизни не было...

Всего же более её, буквально сразу же, сразило море – своим утренним спокойствием, когда прозрачные, с копеечку всего-то лишь, медузы детки плыли стайкой прямо к берегу, как будто хором говоря ей: «Здравствуй, Светочка! С хорошим утром, с добрым утром тебя, Светочка!» Она брала их на ладошку с осторожностью и, пропустив немного воду между пальчиков, тут же показывала утреннему солнышку и отвечала: «Ну и вам привет, малявочки! С хорошим утром! С добрым утром!»

После этого, уже к обеду, когда группа вместе с тренером шла покупать и, пожарившись на солнышке, передохнуть от тренировки (только первой лишь) уже бывала и волна. А ближе к вечеру, когда, измотанными за день окончательно, девчонки снова шли на берег, то купаться ей, поплавать в море запрещалось наотрез уже: волна бывала и такой, что даже взрослые входили в воду с очевидным опасением. Тогда, спокойная совсем ещё недавно ведь, лазурно-ясная волна бывала яростной и тёмно-серой, далеко уже не ласковой. А поутру всё начиналось будто заново: полнейший штиль и эти маленькие линзочки, в лазурном зеркале, задумчивыми стайками...

В огромном, начисто иссушенном магнезией и этой яростной жарой, спортивном комплексе, она как будто потерялась, прямо сразу же. Вокруг неё, казалось ей, сплошные звёздочки, по-настоящему талантливые девочки, они сто лет друг друга знали, были явно здесь не в первый раз (и не в последний, как ей думалось), она не знала никого, была тут новенькой и далеко не самой лучшей и талантливой. Ещё и шеф, остервеневший окончательно, разочарованный провальным выступлением своей, растаявшей надежды – старшей Светочки, здесь пребывал в каком-то нервном озлоблении, шипел на группу и орал, и доставалось ей ничуть не меньше, чем зашуганным до ужаса, уже измученным подругам, взрослым девочкам. «У нас ответственные старты приближаются, а вы всё хнычете, как дети малолетние! Перекупались может? Фруктами обкушались? Кому-то замуж захотелось неожиданно?»

Как нам несложно догадаться, замуж девочки пока не рвались, было как-то не до этого, но и спортивного задора эти мерзости девчонкам тут не добавляли. А для Светика, уже привыкшего за лето к относительной, но тем не менее свободе в своих действиях, всё это было уж и вовсе неожиданным. Своего низкого бревна она лишилась тут, команду сразу загоняли на высокое. «Включились, девушки, включились! Детство кончилось, – со злой усмешкой им шипел Михаил Юрьевич, – жалеть вас, девочки, никто не собирается. Собрались, девушки, завязываем плакаться, как малохольные, и слёзы лить на зрителей! Уже заканчиваем с детскими снарядами! Вам через месяц на помост! Пора готовиться!»

После высокого бревна у Светки бешено, всё больше ныли кисти рук, взывали к помощи больные пятки, ей казалось, будто все уже на неё смотрят с молчаливым осуждением: не рановато ли? Зазналась чемпионочка? Бревно, мол, девочке, высокое не нравится... И день за днём,

по чайной ложке, понемножечку, она дошла до состояния кромешного, почти животного, отчаянного ужаса: и перед этими высокими снарядами, и перед залом, а затем и перед тренером. Ни в этот зал, да никуда уже наверное, идти ей просто не хотелось, тем не менее, сдаваться Светка не умела и по-прежнему – так и тянула свою лямку вечер к вечеру, среди не менее усталых и измученных, своих подруг.

Но все когда-нибудь изменится, пройдет и сгинет, как-нибудь да перемелется, и боль и радости, и слёзы и страдания; прошли и эти три недели бесконечные, их отвезли в аэропорт и уже к вечеру девчонки были в Ленинграде, на Аптекарском.

Теперь у Светки оставалось меньше месяца, казалось дни уже летели, тем не менее, она отлично понимала, ясно видела, что для помоста не готова. Тут, естественно, всему виной было бревно это проклятое. Михаил Юрьевич бухтел и тихо нервничал, она всё больше психовала от отчаяния, и ничего не получалось, ни у Светика – с её бревном, и ни у тренера с советами, и ей казалось, что теперь уже, наверное, и не получится, похоже, никогда уже. На этот кубок, чтобы верно опозориться – перед девчонками, Zenitom, перед тренером, теперь ей ехать не хотелось, кроме этого она боялась подвести команду девочек, а время шло, бревно никак не подчинялось ей, и вот однажды, за неделю перед выездом, в ней что-то лопнуло, сорвалось окончательно... Очередной тяжёлый день почти закончился, девчонки все уже помылись и разъехались, и только двое в этом зале по-хорошему пока расстаться не могли.

– Михаил Юрьевич, а может я ещё над ямой поработаю? – она решила наконец. – Ну вы же видите! Ну не могу я здесь работать над соскоками, – надела чешки, улыбнулась неуверенно и завернула в малый зал.

От удивления тот снял очки, протёр матерчатой салфеточкой и угрожающе шепнул:

– Не понял, милая! Ты что теперь, самостоятельно намерена – решать, что делать? Это что ещё за новости? – он был ужасно раздражён подобной выходкой. – Вернись немедленно, ты слышишь!

Только Светочка его не слышала, несчастной этой девочке хотелось просто поработать над соскоками, над мягкой ямой с поролоном, в одиночестве. Однако сделать это ей удалось уже: спустя лишь несколько минут в затихшем вечером, уже пустом, соседнем зале, с тихим скрежетом открылась дверь и появился тренер девочек, со вдвое сложенной скакалкой в побелевших вдруг, сухих руках, почти трясущихся от бешенства.

– А ну-ка чешки натянула и немедленно(!!!) вернулась в зал и на бревно! Ты поняла меня? Ты меня слышишь? – повернувшись в тихой ярости, он прошептал своей надежде и любимице. – Паршивка эдакая! «Что ты будешь делать тут...» – пробормотал он про себя уже вполголоса.

– Ну мне бы здесь ещё, пожалуйста, немного хоть, совсем недолго поработать над соскоками, – уже едва ли не в слезах шепнула Светочка. – Ну не выходит ведь! Ну сами же всё видите!

– Ну что же, ладно, – оглянувшись на мгновение, – к закрытой двери – прошипел он в тихом бешенстве, – похоже, девочка меня уже не слушает. Сама же, дрянь, и напросилась, получается... – и со словами: – будешь ты, поганка, слушаться? – хлестнув с оттяжкой эту маленькую девочку, – чуть ниже попы, с разворота, прохрипел уже: – А ну-ка марш отсюда, сучка малолетняя!

Такого ужаса, такого унижения она не знала в своей жизни никогда ещё. Как это было отвратительно, а больно как! «Ах, если только бы вы знали, знали только бы!» – припоминала уже после это Светочка. – Обидно, горько, унижительно до ужаса, до горьких слёз, тугим комком застрявших в горле вдруг, немого крика этой, детской ведь совсем ещё, так больно раненой души: «За что он так её?! За что ей всё это, за что? Вчера же только ведь, едва не дочкой

называл!» Она отчаянно, внезапно охнув, что-то всхлипнула растерянно, схватила чешки и, закрыв лицо ладонями, глотая слёзы на ходу, повесив голову, бегом помчалась в раздевалку.

Дома Светочка полночи плакала в постели в одиночестве: ей было горько и обидно, жаль потраченных – уже напрасно ведь – рыдала она горестно, таких упорных и тяжёлых, долгих месяцев; ей вспоминались бесконечные и сложные – прыжки и брусья, и бревно и акробатика; свои кровавые мозоли эти вечные; до синевы уже, хронически разбитые, больные пятки; оглушительное, общее, звенящим хором это: «Стой!» – в застывшем только что, спортивном зале; лица гордых ей родителей; её подруги: и по группе и по лагерю, и первый тренер; и в который раз по-новому, опять по кругу, и казалось, без конца уже...

Услышав ночью её тихие рыдания, пришёл отец, она отчётливо запомнила, как он поглаживал родную свою доченьку по ее светленькой головке, прицеловывал, и говорил, что всё пройдёт и всё наладится; а вот когда она сказала ему это всё, поднялся тут же с перекошенным от ярости, чужим лицом, и со словами: «Эта гадина за всё поплатится у нас, он прямо завтра же, за всё, мерзавец, мне ответит!», в тихом бешенстве и, весь трясясь, ушёл курить, тогда она уже, почти с мольбой: «Не надо, папа, да оставь его! Пускай живёт! Ему же хуже будет, папочка!», пошла на кухню – утешать его сама уже, и села к папе на колени, словно в том её, забытом детстве. И, обняв друг друга бережно, они раскачивались долго на диванчике, и, как уже осознала это Светочка, звезда гимнастики погасла этим вечером, и в этом зале она больше не появится...

Глава тринадцатая

Как всем давно уже известно, наши взрослые воспоминания о детстве и о юности с годами тают, чем стремительней уходим мы от беззаботных тех (как вроде бы считается), таких счастливых, детских лет, тем всё туманнее и всё бесцветнее становятся ушедшие – давным-давно уже – минуты детской радости, лишь только боль не очень даже и осмысленных обид и горестей, утрат и сожаления, последней каплей остаётся навсегда уже...

Почти до лета, восемь долгих, горьких месяцев она сидела у окна. Конечно, Светочка ходила в школу и училась, как положено, всё так же делала домашние задания, хотя теперь не в переменках, за бесцельностью: с недавних пор спешить ей стало просто некуда. Она шутила, улыбалась неестественно, старалась выглядеть приветливо и радостно, что получалось у несчастной этой девочки из сего грустного спектакля, я теперь уже вам не скажу: хотя, конечно, в классе все уже прекрасно знали о проблемах её с бедами, на всякий случай её попусту не дёргали, а ей и вовсе, обсуждать все эти мерзости, как нам понятно, не хотелось: ни желания, ни сил каких-то у неё на это не было. Не очень часто, но случалось тем не менее, к ней подходил её поклонник; неуверенно смотрел в глаза с немым вопросом и сомнением, но даже Коле рассказать хотя бы что-нибудь она пока ещё была не состоянии.

Придя из школы, она в тягостном безмолвии сидела в кухне за столом, глядела в мокрое, седое небо за холодными окошками, и открывала ей внезапно полюбившихся, совсем не детского Лескова, или Чехова, одна устраивалась в кухне на диванчике и погружалась в мир иной, чужой и радостный, полный теней ушедших в лету навсегда уже – надежд и горестей, тревог и ожидания. Бывало, вовсе без причины и без повода, вдруг начинала тихо плакать в одиночестве, не видя букв, не понимая ничего уже, глядела долго в помутневшие и мокрые, уже не строки, а дороги в неизвестное, и слёзы – горькими, неспешными дорожками, катились тихо по щекам, сползали каплями и застывали на рубахе понемножечку, и продолжалось это всё, пока у Светика не появлялась пара тёмных, мокрых пятнышек – на бугорках её груди. Поднявшись горестно, стояла долго у окошка, глядя сумрачно, – за равнодушное стекло, где с неба, посланный, казалось прямо от Спасителя, от Бога ей, танцую тихо и кружась в беспечной радости, летел на город белый снег.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.